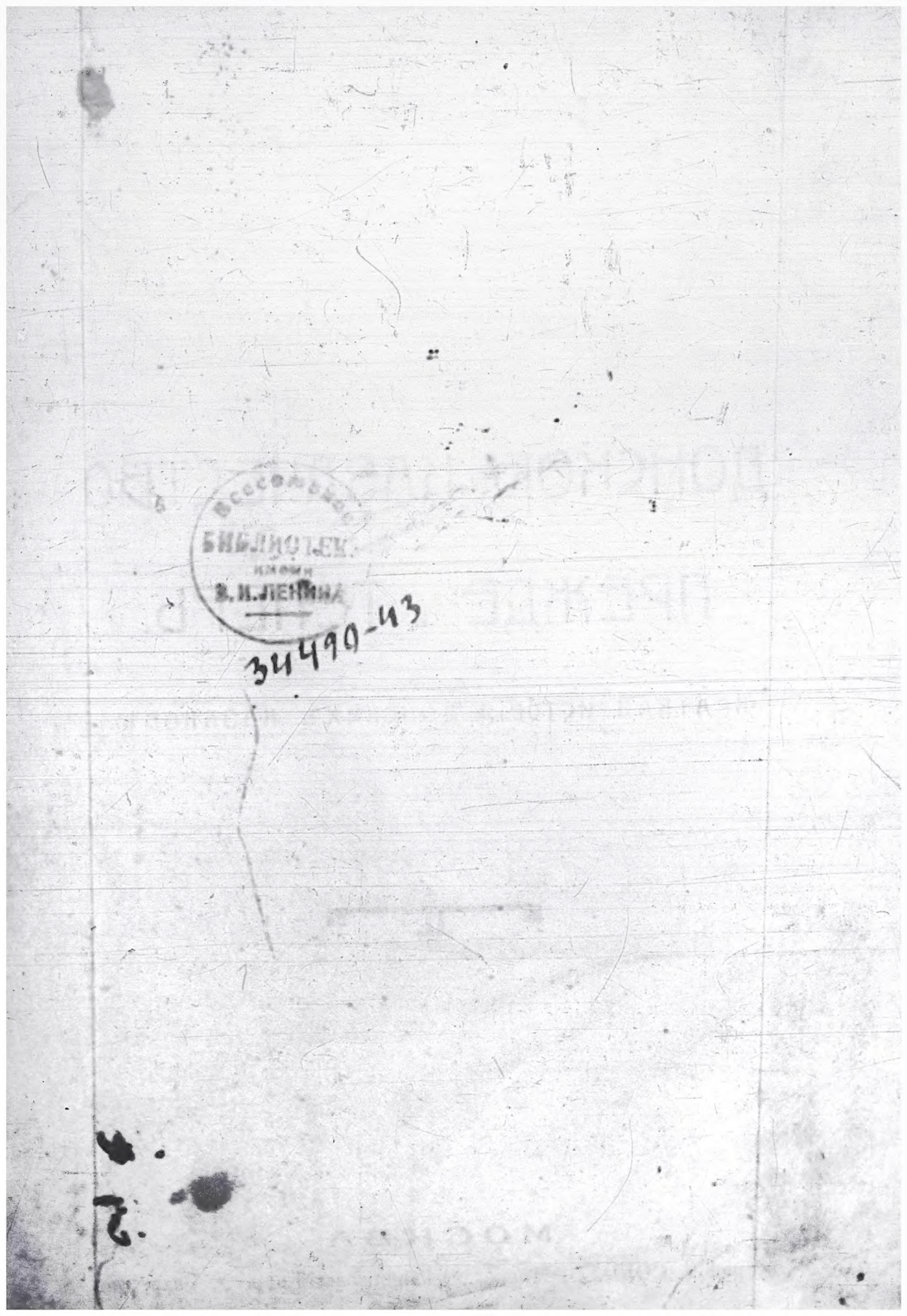
ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО ПРЕЖДЕ и ТЕПЕРЬ.

(КРАТКАЯ ИСТОРІЯ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ).

МОСКВА
Типографія СОКОЛЪ, Тверская, Гнѣздниковскій пер., д. Бахрушина.
1907

БИБЛИОТЕК.
имени
В.И.ЛЕНИНА
34490-43

Донское казачество прежде и теперь.

(*Краткая исторія донскихъ казаковъ*).

Казачество просыпается... Это видно и по рѣчамъ депутатовъ отъ донского казачьяго населенія въ Государственной Думѣ. Одинъ изъ этихъ депутатовъ, Петровскій, говорилъ въ засѣданіи Государственной Думы 13-го марта: «Я донской казакъ. Я съ гордостью ношу это славное и тяжелое званіе. Славное—славной исторіей казачества; тяжелое—той ролью, которую правительство за послѣднее время заставило играть служилое казачество». Не только на Дону, но и въ другихъ областяхъ казаки уже тяготятся своимъ положеніемъ. Чѣмъ славнѣе ихъ прошлое, тѣмъ тяжелѣе настоящее...

Какъ тяжело настоящее положеніе казачества—извѣстно всѣмъ. По командѣ чужихъ людей бить, рубить, разорять обездоленныхъ, когда они рвутся къ лучшей жизни,—и въ то же время разоряться самимъ: вотъ настоящая тяжелая доля казаковъ. Ну, а славное прошлое? О немъ привыкли говорить всѣ казаки; но немногіе знаютъ, каково было это прошлое. У нихъ слова о славномъ прошломъ—только звукъ пустой. Говорятся эти слова по старой привычкѣ, какъ ведется работа угнетенія обез-

доленныхъ тоже по привычкѣ. Эта привычка— тупая покорность судьбѣ.

Но теперь казачество просыпается и сбрасываетъ съ себя тупую покорность. Теперь казакъ начинаетъ вдумываться и въ свое прошлое, и въ свое настоящее. Прошлое дѣйствительно славное, но чѣмъ? Это надо понять. А понявъ въ чемъ слава прошлаго,—казакъ станетъ не въ силахъ мириться съ своимъ тяжелымъ настоящимъ положеніемъ. Понявъ, въ чемъ слава прошлаго,—казакъ пойметъ и то, за какое свѣтлое будущее надо бороться...

Наша книжка говоритъ о прошломъ донского казачества. Но то-же, что разсказываетъ наша книжка, можно-бы сказать и о другихъ казачьихъ областяхъ. То, что народный поэтъ Кольцовъ когда-то говорилъ русскому «мужичку», то наша книжка говоритъ казаку:

Встань, проснись! Подымись!
На себя погляди:
Чѣмъ ты былъ и что сталъ!..

I.

Какъ заселялись донскія степи.

Въ глубокую старину на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится область Войска Донского, лежали обширныя, безлюдныя степи. Кочевали по нимъ татарскія орды, разбивали свои ставки, пасли стада и скоро уходили. Или на орду нападало враждебное племя и прогоняло ее, или она сама снималась и уходила въ другія мѣста. И донскія степи лежали пустыми,

никѣмъ не занятыми. Только около четырехсотъ лѣтъ тому назадъ въ этихъ степяхъ появились люди, которые заняли Донъ, укрѣпились на немъ, отстояли его отъ враговъ и положили основаніе теперешнему Войску Донскому. Люди эти были бѣглые изъ Московскаго государства «вольные». Эти «вольные люди» сходились на Донъ изъ разныхъ краевъ земли русской. Всѣ, кто недоволенъ былъ порядками въ Московскомъ государствѣ, кому тяжело жилось на родинѣ, уходили на вольныя, никому непринадлежавшія донскія степи. А недовольныхъ порядками въ Московскомъ государствѣ въ ту пору было много.

Московское правительство къ началу 16-го вѣка уже явно показало, что оно хочетъ закабалить крестьянъ помѣщикамъ, сдѣлать ихъ крѣпостными. До 15-го *) вѣка русскіе крестьяне имѣли право переселяться отъ одного помѣщика къ другому по своему желанію. Крестьянинъ селился на владѣльческой землѣ—помѣщичьей, монастырской,—и за пользованіе землею отрабатывалъ владѣльцу земли нѣсколько дней въ недѣлю или платилъ оброкъ. Если условія были невыгодны крестьянину, онъ могъ во всякое время перейти на другое мѣсто, къ другому владѣльцу. Понемногу крестьяне становились все болѣе неоплатными должниками владѣльцевъ. Этимъ стѣснялось право крестьянъ мѣнять своего владѣльца. А затѣмъ и Московское правительство стало ограничивать это право крестьянъ. Въ 1450

*) Теперь у насъ 20-й вѣкъ, потому что отъ Рождества Христова прошло больше 1900 лѣтъ или 19 вѣковъ и наступилъ 20-ый.

году, по ходатайству Ѳерапонтова монастыря, великій князь московскій приказалъ, чтобъ крестьяне могли переходить отъ одного владѣльца къ другому только за двѣ недѣли до Юрьева дня и въ теченіе одной недѣли послѣ этого дня.

Въ 1497 году Иванъ Третій распорядился, чтобы крестьяне переходили только въ одинъ Юрьевъ день осенью. Московское правительство строго слѣдило за исполненіемъ этого распоряженія. А если крестьяне уходили раньше или позже Юрьева дня, то наказывали и крестьянъ, и помѣщика, который ихъ принималъ. А въ 1592 году правительство уничтожило и Юрьевъ день и вовсе запретило крестьянамъ переходить отъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ крестьяне постепенно были закрѣпощены въ помѣщичью кабалу.

Не легка была эта кабала для крестьянъ. Помѣщикъ могъ заставлять крестьянъ работать на него, сколько ему вздумается, могъ отбирать у нихъ нажитое, могъ наказывать ихъ, какъ хотѣлъ. Короче говоря--крестьяне были обращены въ рабовъ. Конечно, крестьяне были недовольны такими порядками; а искать защиты имъ было негдѣ. И вотъ многіе изъ крестьянъ спасались изъ кабалы бѣгствомъ. Они бросали дома, имущество, семьи и становились «бѣглыми».

Не мало народу уходило въ ту пору въ бѣга и отъ другихъ московскихъ порядковъ, отъ притѣсненія тогдашнихъ чиновниковъ и отъ тяжелыхъ податей.

Подати и повинности въ государственную казну платили въ то время «посадскіе люди», т. е. жи-

тели городовъ и посадовъ—торговцы, ремесленники и т. д., а также «черныя волости», т. е. крестьяне, жившіе на государственныхъ земляхъ. Податей въ то время платили много. Подати и повинности налагались на городское или волостное общество, и общество отвѣчало за неисправныхъ плательщиковъ. Взыскивались подати очень строго. Правительство не разбирало, почему не внесена наложенная на общество подать, можетъ ли вообще общество уплатить ее, а подвергало «правежу» (побоямъ и пыткамъ) членовъ того общества, которое оказывалось неисправнымъ. Тяжелыя подати разоряли народъ, и спастись отъ нихъ можно было только бѣгствомъ. Въ бѣга уходили часто цѣлыя деревни.

При Иванѣ Грозномъ по жалобѣ жителей Шенкурья и Вельска было произведено разслѣдованіе и даже правительственные слѣдователи признали, что большинство деревень «запустѣло отъ государевыхъ податей и отъ отводъ, и отъ опричнаго правежу». Соборъ 1584 года, созванный для обсужденія государственныхъ нуждъ, также призналъ, что корень зла «въ царскихъ даняхъ и разметахъ». Но всѣ разслѣдованія и признанія правительства мало помогали народу. Подати и повинности не облегчались.

Къ тяжелымъ податямъ присоединялись еще злоупотребленія чиновниковъ, произволъ и взяточничество; все это высасывало послѣдніе соки изъ народа. Въ старину чиновники и правительство смотрѣли на службу, какъ на средство нажиться, и не скрывали этого. Московскій дворъ такъ и объяв-

лялъ, что онъ посылаетъ воеводу въ такую то область «для кормленія», т. е. для того, чтобы воевода поправилъ свои разстроенныя дѣла. Князь Звенигородскій, напримѣръ, подавалъ прошеніе царю Михаилу Өеодоровичу, чтобы его назначили воеводой на Бѣлоозеро, и при этомъ жаловался, что старый воевода служитъ на Бѣлоозерѣ второй годъ и уже нажился, а онъ, князь, «задолжался, умираетъ съ голоду, а людишки его пропадаютъ на правежѣ»... Въ 1649 году въ Старорусскомъ уѣздѣ воевода съ своими людьми ѣздилъ по волостямъ и побоями и пытками вымучивалъ у крестьянъ деньги для себя. Смотря на свои мѣста, какъ на средство кормленія, воеводы брали «съ живыхъ и съ мертвыхъ». Въ судахъ они открыто продавали приговоръ тому, кто больше дастъ. Не отставали отъ воеводъ и мелкіе чиновники—дьяки, подъячіе, стряпчіе и т. п.

Пожаловаться и искать защиты отъ этихъ злоупотребленій было некому и негдѣ. На мѣстахъ судили воеводы, которые сами вымогали съ крестьянъ и не преслѣдовали чиновниковъ за злоупотребленія. Въ Москвѣ судили приказные дьяки, которые тоже брали взятки, какъ и всѣ чиновники, и чтобы найти управу въ Москвѣ, надо было истратить не мало денегъ. Надо было одѣлить дьяковъ и подъячихъ, и сторожамъ дать на пироги да на квасъ, надо было давать взятки даже крѣпостнымъ слугамъ дьяковъ и подъячихъ. Понятно, что жаловаться въ московскій судъ могли лишь богатые люди; а бѣдняки, простой народъ, уходили отъ по-

датей и отъ московской чиновничьей «правды» въ бѣга. И получалось, какъ писали въ упомянутой выше жалобѣ жители Шенкурья и Вельска, что «многія деревни опустѣли отъ намѣстниковъ, и отъ тіуновъ (судей), и отъ доводчиковъ, и отъ обыскныхъ грамотъ», «крестьяне отъ того насильства, продажъ и тяжебъ разошлись». Конечно, бѣжали больше всего смѣлые, вольнолюбивые люди, «кто съ неправдой людскою не знался» и знаться не хотѣлъ.

Много такихъ бѣглецовъ шло на Донъ, на привольныя степи, лежавшія на Дону, Хопру, Бузулуку и Медвѣдицѣ. Въ то время донскія степи никому не принадлежали, никакое государство не имѣло надъ ними власти; и бѣглецы, приходя на Донъ, становились ни отъ кого независящими «вольными людьми». «Дономъ отъ всякихъ дѣлъ освобождаются»—писалъ жившій въ тѣ времена лѣтописецъ Катошихинъ:—«и дано имъ жить на Дону своя воля». Эти-то бѣглые изъ Россіи люди и начали образовывать на Дону военныя общины и называли себя казаками. Въ началѣ 16 вѣка этихъ общинъ появилось уже много и къ срединѣ 16 вѣка, къ 1549 году они уже построили себѣ три или четыре городка и выбрали одного для всѣхъ общинъ «войскового атамана» Сары-Азмана. Такимъ образомъ общины соединились и составили донское войско.

Казаки завели у себя совсѣмъ иные порядки, чѣмъ въ Россіи. Всѣ казаки были равны и свободны. Тамъ, въ московскомъ государствѣ, надъ народомъ сидѣли чиновники, которые его тѣснили и на которыхъ негдѣ было искать управы; тамъ были

помѣщики, которые закабаляли народъ и отъ которыхъ тоже негдѣ было бы искать защиты. Здѣсь, на Дону, всего этого не было. Казаки были равны, свободны и сами управляли своими дѣлами; они сами устраивали у себя порядки, которые были хороши для всѣхъ, а не только для чиновниковъ и помѣщиковъ, какъ въ московскомъ государствѣ. Не было поэтому на Дону закабаленныхъ и угнетенныхъ,—всѣмъ жилось хорошо, дышалось вольно. Слухъ объ этой-то волѣ доходилъ до угнетенныхъ русскихъ людей. И многіе уходили на Донъ, когда становилось не въ переносъ на родинѣ отъ тамошнихъ порядковъ. Казаки въ это время съ радостью принимали такихъ бѣглецовъ въ свои общины, такъ какъ черезъ это увеличивалась сила войска. Бѣглецы становились равноправными членами общины, такими же казаками, какъ и всѣ другіе.

II.

Что же дѣлало московское правительство?

Московскому правительству было невыгодно, что казаки принимаютъ у себя бѣглыхъ изъ московскаго государства людей. И князья не разъ пробовали прекратить побѣги на Донъ и даже собирались вернуть оттуда бѣглыхъ. Еще въ 1502 году Иванъ III писалъ княгинѣ Агриппинѣ: «Изъ твоего княжества бѣгаютъ на Донъ разные люди— и черные, и средніе, и торговые. И ты бы имъ запретила, а ослушается кто и пойдетъ въ молодечество и ты бы ихъ велѣла казнить. А не ве-

лишь ихъ казнить, я ихъ велю казнить и продавать». Царь Михаилъ Федоровичъ Романовъ лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ Бориса Годунова писалъ турецкому султану: «донскіе казаки указа нашего не слушаютъ... мы пошлемъ на нихъ рать свою и велимъ ихъ съ Дону сбить». Въ 1682 году появляется даже царскій указъ, въ которомъ казакамъ запрещается принимать у себя на Дону бѣглыхъ людей. Въ слѣдующемъ году для задержанія бѣглыхъ была устроена военная застава въ верховьяхъ Дона на границѣ Воронежской губерніи. Въ 1703 году Петръ Великій велѣлъ устроить даже перепись донскихъ казаковъ съ тѣмъ, чтобы всѣхъ, не вошедшихъ въ эту перепись, считать бѣглыми и возвращать назадъ. А въ 1707 году Петръ послалъ на Донъ князя Долгорукаго съ войскомъ для поимки бѣглыхъ. Долгорукій успѣлъ даже перехватать до 3 тысячъ разнаго народу.

Но донскіе казаки свыше двухсотъ лѣтъ отстаивали свое право принимать бѣглыхъ изъ московскаго государства людей. Нѣкоторые изъ казаковъ сами были бѣглые и знали, что ждетъ на родинѣ бѣглецовъ, если казаки станутъ выдавать ихъ русскому правительству. Другіе казаки, родившіеся на Дону, бывали въ московскомъ государствѣ и «своими глазами» видали ту жизнь, отъ которой бѣжали люди къ нимъ на Донъ. Третьи слыхали отъ бѣглыхъ про ужасные порядки на родинѣ. Поэтому казаки не могли согласиться на выдачу русскому правительству бѣжавшихъ къ нимъ братьевъ, не могли отдать ихъ своими руками въ новую кабалу.

Къ тому же, бѣглые увеличивали собою казачье войско, и выдать ихъ значило обезсилить самихъ себя. И казаки упорно отстаивали бѣглыхъ отъ правительства. За двѣсти слишкомъ лѣтъ они ни разу не выдали ни одного бѣглаго. Когда же Петръ Великій послалъ Долгорукаго силой вернуть бѣглыхъ, казаки убили Долгорукаго и разбили его войско.

И только значительно позже, когда была уничтожена самостоятельность войска донского, когда правительству удалось отнять у казаковъ ихъ волю, только тогда оно смогло прекратить и приходъ бѣглыхъ на Донъ. Обезсиленные и закабаленные казаки не могли уже защищать другихъ закабаленныхъ...

III.

Порядки въ Донскомъ войскѣ въ старину.

Войско Донское существовало самостоятельно, никому не подчиняясь, около 200 лѣтъ. Казаки завели у себя такіе порядки, которые, какъ говорилось уже выше, дѣлали ихъ всѣхъ равными и свободными. Сообща чинили казаки судъ и расправу, сообща вершили всякое общественное дѣло. Ни отъ какого государства они не зависѣли; никакихъ чиновниковъ, кромѣ своихъ выборныхъ атамановъ и старшинъ, надъ собою не признавали. Управлялъ ими «войсковой кругъ» и выбранный кругомъ «войсковой атаманъ». Атаманъ во всемъ давалъ отчетъ передъ кругомъ и безъ круга не могъ предпринять самостоятельно ни одного важнаго дѣла.

Въ войсковой кругъ для рѣшенія дѣлъ собирались казаки со всего войска. Въ кругу были всѣ равны. Дѣла на обсужденіе предлагалъ кругу обыкновенно войсковой атаманъ. Но и всякій изъ простыхъ казаковъ могъ предложить на обсужденіе какое-нибудь дѣло, и оно также разсматривалось кругомъ, какъ и предложенное атаманомъ. И войсковой атаманъ, и простой казакъ имѣли въ кругу по одному голосу; и при рѣшеніи дѣла голосъ простого казака и голосъ войскового атамана были равны. Въ кругу рѣшались всѣ важныя дѣла войска: походъ, набѣгъ, объявленіе войны, заключеніе мира; въ кругу же выбирались и войсковые атаманы.

Атаманъ выбирался только на годъ. Послѣ года службы атаманъ являлся въ кругъ и, поклонившись на всѣ четыре стороны, складывалъ знаки своей власти. Послѣ этого онъ становился обыкновеннымъ казакомъ, а кругъ выбиралъ новаго начальника. Атаманъ былъ «прямой начальникъ казаковъ во дни мира и брани». Онъ принималъ пословъ, велъ съ ними переговоры, но объ этихъ переговорахъ докладывалъ войсковому кругу. По казачьимъ дѣламъ на немъ лежала обязанность мирить ссорящихся, защищать обиженныхъ, наблюдать за исполненіемъ приговоровъ войскового круга. Но предпринять что-нибудь новое, напримѣръ, отмѣнить какой-нибудь старый порядокъ или завести новый, заключить союзъ съ кѣмъ-нибудь или миръ съ врагомъ, атаманъ не имѣлъ права безъ рѣшенія круга. Такимъ образомъ атаманъ былъ лишь исполнительной властью, т. е. онъ исполнялъ лишь

рѣшенія круга; а законодательную власть, т. е. право распоряжаться въ дѣлахъ имѣлъ только «войсковой кругъ» — общее народное собраніе всѣхъ казаковъ.

Такой же порядокъ былъ и въ управленіи отдѣльныхъ казачьихъ городковъ и станицъ. Все зависѣло отъ воли всего общества. Но «безъ столба и заборъ не стоитъ, безъ перевясла и вѣникъ разсыпается», говорили казаки и потому, для уряду и распоряженія общественными дѣлами, они избирали изъ среды своей атамана и есаула. Атаманъ былъ главное лицо, есаулъ же его помощникъ. Атаманъ, хотя «напереди стоялъ, урядъ держалъ», но былъ вполнѣ отвѣтственъ передъ обществомъ. За оплошность и нанесеніе вреда общественному дѣлу онъ могъ быть подвергнутъ суду, какъ всякій другой гражданинъ. Всѣ общественныя дѣла станицы рѣшались въ станичномъ кругу. Кругъ же судилъ казаковъ и налагалъ наказаніе на виновныхъ. Въ станичномъ кругу, какъ и въ войсковомъ, каждый казакъ могъ принимать участіе и имѣлъ право голоса.

Такіе порядки дѣлали казаковъ равными и ихъ жизнь братской. Донской историкъ Сухоруковъ разсказываетъ о жизни казаковъ слѣдующее: «Набьетъ ли кто дичины, или наловитъ рыбы — все дѣлили по равной части, не заботясь о будущемъ. Общества ихъ раздѣлялись по «сумамъ»: человѣкъ по десяти, по двадцати имѣли все общее». Казаки строго соблюдали равенство въ своемъ обществѣ. Былъ, напримѣръ, такой случай. Посолъ Нащокинъ привезъ отъ царя подарки казакамъ. Въ Москвѣ разсуждали

по-своему, что если у казаковъ есть атаманы и прославившіеся и уважаемые за свои подвиги казаки, то, дескать и подарки назначить кому лучше, кому похуже. И назначили «лучшимъ атаманамъ по лучшему сукну, инымъ по среднему, а остальнымъ всѣмъ сукна расловскія (простыя)». Казаки отвѣчали послу: «у насъ большихъ нѣтъ никого, в с ѣ м ы р а в н ы. Мы сами раздѣлимъ на все войско, по чему достанется.

Такое равенство и свобода во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ дѣлали жизнь въ донскомъ войскѣ привольною. Это заставляло казаковъ любить свой тихій Донъ и не жалѣть своихъ головъ за него въ борьбѣ съ врагами. А враговъ у нихъ въ ту пору было много. Изъ Азова грозили имъ турки, съ Крыма черезъ степи дѣлалали набѣги татары, съ Кубани приходили татарскія и черкесскія орды. Отъ всѣхъ этихъ враговъ отбивались казаки и часто сами переходили въ наступленіе. Они то ходятъ на Азовъ; то, пробравшись на лодкахъ въ Черное море, нападаютъ на побережные турецкіе города и селенія; то черезъ Волгу перебираются на Каспійское море и «добываютъ зипуны» во владѣніяхъ персидскаго шаха; то перекидываются вверхъ по Волгѣ и идутъ «тряхнуть Москвой». Около двухсотъ лѣтъ донскіе казаки ведутъ войны самостоятельно. И за это время войско донское не только не ослабѣло, но еще и выросло и усилилось. Произошло это оттого, что къ нимъ постоянно подходили изъ московскаго государства—свѣжія силы —тѣ бѣглые, о которыхъ мы говорили раньше.

IV.

Какъ воспользовалось казаками правительство.

Что казаки предпринимали войны и набѣги противъ турокъ и татаръ, это было на руку московскому правительству. И татары и турки въ то время были сильными врагами московскаго государства. Они дѣлали противъ него набѣги, грабили пограничныя области, уводили въ плѣнъ жителей и въ этихъ набѣгахъ доходили иногда до Москвы. Московскому правительству было трудно бороться съ этими набѣгами. Войска у него было мало, пограничныхъ крѣпостей совсѣмъ почти не было и татары не разъ безнаказанно уходили послѣ набѣга домой. А тутъ казаки, осѣвши на Дону, защищали отъ набѣговъ южную границу московскаго государства и отвлекали татарскія и турецкія силы на себя. Понятно, что московское правительство было очень радо и старалось привлечь казаковъ на свою службу. Конечно, оно очень даже косилось на казаковъ за то, что они принимали у себя бѣглыхъ; конечно, оно даже грозило «свести казаковъ съ Дону»; однако «свести» ихъ не удалось—казаки были сильны и добровольно бы не ушли. Правительство и постаралось залучить казаковъ на свою службу и постепенно, хитростью и обманомъ или, какъ говорили, «тихимъ московскимъ обычаемъ» забрать казачество въ свои руки.

Для начала московское правительство постаралось приласкать казачество. Когда послы московскіе отправлялись въ Турцію, и Крымъ черезъ донскія

степи, то цари приказывали имъ, чтобы «какихъ атамановъ и казаковъ наѣдутъ (встрѣтятъ) на Дону, государевымъ словомъ говорить имъ, чтобы послужили государю». Приказывалось также оказывать казакамъ ласки, чтобы расположить ихъ къ московскому правительству, и, «выбравъ лучшихъ атамановъ и казаковъ, которые вольнѣе во всемъ Дону» давать такимъ лучшіе подарки, а всѣмъ раздавать зелье (порохъ) и свинецъ въ раздѣлъ». Въ 1571 году Иванъ Васильевичъ Грозный прислалъ къ донскимъ казакамъ особую грамоту, въ которой приглашалъ ихъ на службу: «Вы бъ о нашихъ дѣлахъ промышляли за одинъ,—говорилось въ этой грамотѣ:— и какъ намъ послужите и мы насъ пожалуемъ своимъ жалованьемъ».

Казакамъ съ своей стороны было удобно имѣть за спиной союзника. Они разсуждали такъ: «турки и татары—и наши враги и враги московскаго государства. Съ басурманами (такъ они называли турокъ и татаръ) намъ союзъ заключить нельзя и воевать съ ними неминуемо. Такъ лучше воевать противъ нихъ вмѣстѣ съ московскимъ государствомъ. Московскіе цари все-таки свои люди—такіе же христіане и такіе же русскіе, какъ и мы, казаки. Въ случаѣ нужды, когда на насъ наляжетъ сила несмѣтная, они, разъ мы будемъ въ союзѣ, помогутъ намъ, заступятся». Поэтому казаки назвались «слугами царскими» и добровольно согласились служить московскимъ государямъ «службу съ травы да воды и кровь свою проливать». Получился такимъ образомъ добровольный союзъ между казаками и мо-

сковскимъ правительствомъ: казаки обязывались «подстерегать» азовцевъ и крымскихъ татаръ, узнавать объ ихъ намѣреніяхъ, о готовящихся на московское государство набѣгахъ и доносить обо всемъ въ Москву, т. е. нести пограничную развѣдочную службу. Московскіе же цари обязывались за это «жаловать казаковъ своимъ царскимъ жалованьемъ», не трогать ихъ на Дону и—само собой—защищать ихъ, если они сами не справятся съ врагомъ.

И вотъ мы видимъ, что казаки по тогдашнимъ условіямъ вѣрно и добросовѣстно служатъ свою службу. Они безпрерывно тревожатъ азовцевъ и крымцевъ, дѣлаютъ развѣдки, достаютъ «языка», т. е. плѣнныхъ для разспроса; «прикармливаютъ» т. е. подкупаютъ деньгами и лаской шпіоновъ и переметчиковъ изъ турокъ и татаръ, разузнаютъ что дѣлается въ Азовѣ, въ Крыму, на Кубани. По нѣскольку разъ въ годъ казаки посылаютъ въ Москву «легкія станицы», которыя отвозятъ «войсковыя отписи о разныхъ пограничныхъ вѣстяхъ». Кромѣ того они, по указанію изъ Москвы, дѣлаютъ походы противъ турокъ и татаръ, чтобы отвлечь ихъ отъ набѣга, перехватываютъ ихъ партіи, участвуютъ вмѣстѣ съ московскимъ войскомъ въ войнахъ противъ нихъ.

V.

Долго ли правительство соблюдало союзъ?

Московское правительство не долго выполняло союзъ. Дружа съ казаками, оно держало за па-

зухой камень. Да и какъ-же могло быть иначе? Какъ могло московское правительство терпѣть по близости вольность и равенство въ казачьей жизни?

Въ самомъ дѣлѣ. У с е б я, въ московскомъ государствѣ правительство подавило всякую вольную жизнь, закабалило весь народъ. Крестьянъ оно постепенно прикрѣпило къ помѣщикамъ, черносошныхъ крестьянъ и посадскихъ людей заставило платить тяжелыя подати, даже помѣщиковъ обязало службою въ войскѣ. Всѣ порядки въ государствѣ оно завело выгодные не для народа, а для правительства. Даже сохранившееся со старины самоуправленіе правительство сумѣло повернуть на службу себѣ: оно обязало общества круговою порукою за уплату податей и круговою отвѣтственностью за выборныхъ цѣловальниковъ, старостъ и т. п., которыхъ выбирало общество, но которые служили не ему, а правительству. Правительство считало всѣхъ своихъ подданныхъ «холопами» и требовало отъ нихъ, какъ отъ холоповъ, безпрекословнаго повиновенія и обращалось съ ними, какъ хотѣло. Оно могло безъ суда и слѣдствія преслѣдовать человѣка даже за то, что онъ осмѣливался полагать крестное знаменіе не тремя перстами, какъ ему приказалъ «царь-государь и великій патріархъ», а двумя, какъ крестились его отцы и дѣды. Словомъ, правительство московское требовало отъ всѣхъ своихъ подданныхъ рабской покорности и послушанія.

А тутъ у него подъ бокомъ живутъ люди,—тѣ же русскіе, бывшіе «холопы» московскаго царя; и эти холопы не считаются съ тѣмъ, чего хочется

этому царю и его чиновникамъ, а гнутъ свою линію, живутъ самостоятельно, независимо, заводятъ у себя порядки, какіе имъ вздумается, ни у кого не спрашиваясь. Кромѣ того эти же свободолюбивые люди принимали у себя всѣхъ, недовольныхъ порядками въ Московскомъ государствѣ, всѣхъ обиженныхъ, ограбленныхъ и угнетенныхъ Московскимъ правительствомъ: принимали и не выдавали ихъ. Подъ бокомъ у Московскаго правительства была свободная сторона, куда сходились всѣ его враги, всѣ затаившіе къ Московскимъ порядкамъ непримиримую ненависть. А поди, достань ихъ оттуда, чтобы расправиться съ ними,—близокъ локоть, да не укусишь... Что и говорить! Не по душѣ было Московскому правительству все казачество донское съ его вольностями. И вотъ правительство, дружа съ казаками и прихваливая ихъ «своимъ царскимъ словомъ за вѣрную службу», въ то же время не оставляло мысли о томъ, чтобы уничтожить казачьи вольности, поставить казаковъ подъ тяжелую «царскую руку», сдѣлать ихъ такими же, какъ и остальные подданные, послушными холопами царскаго правительства.

Для этого принимались всяческія мѣры. Еще Борисъ Годуновъ, какъ мы уже видѣли, построилъ на дорогѣ къ Дону крѣпость, чтобы задерживать приходъ бѣглыхъ на Донъ. Этотъ же государь запретилъ казакамъ пріѣзжать во владѣнія московскаго царя провѣдывать своихъ родныхъ. Онъ же отнялъ отъ казаковъ право безпошлинной торговли въ Московскомъ государствѣ и прекратилъ имъ

выдачу жалованья. Михаилъ Θедоровичъ Романовъ хотѣлъ было запретить казакамъ дѣлать походы на турокъ и татаръ, но въ то время казаки дружно отстояли свою самостоятельность въ этихъ дѣлахъ.

Около 1629 года Михаилъ Θедоровичъ прислалъ донскимъ казакамъ приказъ соединиться съ турецкими войсками и идти войною вмѣстѣ съ ними противъ Польши. Казаки наотрѣзъ отказались помогать туркамъ противъ христіанъ. Царь наложилъ на нихъ свою опалу, а патріархъ Филаретъ, за ослушаніе, отлучилъ казаковъ отъ церкви и проклялъ ихъ, какъ еретиковъ и богоотступниковъ. Объ этомъ была послана на Донъ грозная грамота. Прибывшій съ этой грамотой царскій посолъ Карамышевъ требовалъ отъ казаковъ покорности и послушанія и грозилъ имъ, что будетъ наказывать ихъ кнутами, а болѣе упорныхъ казнитъ, городки же ихъ сожжетъ. Все это онъ не постѣснялся высказать казакамъ въ войсковомъ кругу. Казаки не стерпѣли такой заносчивости московскаго посла и приговорили его къ смертной казни. Они бросили Карамышева въ Донъ, а въ Москву послали «отписку», въ которой объяснялись съ Московскимъ правительствомъ на чистоту.

Въ своей «отпискѣ» донскіе казаки, между прочимъ, писали: «По твоей государевой грамотѣ велѣно идти на польскаго короля землю съ турскими послами, съ мурзою да съ Абазою вмѣстѣ. И мы, государь, отъ Божіей милости не отступники, а тожъ государю, твоему царскому величеству, не измѣнники

и не лакомцы». Необходимо пояснить, что правительство обѣщало казакамъ за походъ противъ Польши награду и жалованье большее «противъ прежняго». Такъ думали подкупить казаковъ наградой, и вотъ они отвѣчаютъ, что они службу свою несутъ добросовѣстно — «не измѣнники», но и «не лакомцы», т.-е. не гонятся за выгодой въ такомъ дѣлѣ. По поводу отлученія ихъ отъ церкви, какъ богоотступниковъ, казаки возражаютъ въ своей грамотѣ. «Истинную православную христіанскую вѣру... помнимъ и крѣпко держимъ и впредь хотимъ за нее противъ твоего государева всякаго недруга стоять крѣпко и неподвижно до конца живота своего». На приказъ царя соединиться съ турками и татарами казаки отвѣтили съ достоинствомъ. Они помнятъ, что они соглашались нести опредѣленную пограничную службу, а вовсе не записывались въ царскіе «холопы», которыми можно помыкать, какъ вздумается. И вотъ они говорятъ въ своей «отпискѣ»: «Мимо твоего россійскаго московскаго государства въ басурманскую землю турскимъ пашамъ на помощь идти не хотимъ, потому что наша истинная православная христіанская вѣра турчанамъ непріятна и въ прежнія государевы лѣта, блаженныя памяти при которыхъ бывшихъ царяхъ, мы, донскіе атаманы и казаки, турскимъ Муратъ-Салтанамъ не служивали»... При этомъ казаки предупреждали царя, что если онъ будетъ настаивать на томъ, чтобы казаки подчинялись всѣмъ его распоряженіямъ, то они лучше уйдутъ съ Дона и очистятъ его для крымскихъ и погайскихъ татаръ.

Правительству какъ-бы предоставлялось выбирать, съ кѣмъ для него союзъ милѣе и лучше—съ казаками или съ татарами... «Донъ рѣку, писали казаки,—отъ низу и до верху и рѣки запольныя всѣ тебѣ, государю, до самыхъ украинныхъ городовъ крымскимъ и ногайскимъ людямъ распространимъ, все очистимъ; съ Дону съ рѣки и со всѣхъ запольныхъ рѣкъ всѣ сойдемъ по твоему государеву указу»...

Ничего не отвѣчалъ на это Михаилъ Федоровичъ. Цѣлыхъ три года казаки не получали изъ Москвы вѣстей, не получали и жалованья и сами не посылали въ Москву «отписокъ». Но долго правительство не выдержало и само сняло съ нихъ опалу. На четвертый годъ была послана на Донъ милостивая грамота и жалованье. Дѣло въ томъ, что казаки были нужны правительству въ то время. Оно вело тогда войну съ Польшей; а союзники его—турки — мало помогали ему, татары же грабили его собственныя владѣнія. Поэтому уже на второй годъ послѣ снятія опалы съ казаковъ въ 1632 году Михаилъ Федоровичъ писалъ въ своей грамотѣ казакамъ: «И мы, великій государь, и отецъ нашъ великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Россіи, васъ, атамановъ и казаковъ, за вашу службу, что вы намъ служите надъ татары, которые ходятъ на наши украины, войною промышляете и поиски чините, похваляемъ. И за то васъ учнемъ жаловати нашимъ государевымъ жалованьемъ»... Выходило такъ, что за одну и ту же службу царь и «похвалялъ, и «налагалъ свою опалу» на казаковъ, смотря по обстоятельствамъ.

Конечно, казаки въ этомъ случаѣ настояли на своемъ потому, что московскому правительству было не выгодно раздражать казаковъ. Но правительство все-таки вело свою политику къ тому, чтобы незамѣтно забрать казаковъ въ свои руки. Оно стремилось «тихимъ московскимъ обычаемъ», незамѣтно пріучить ихъ признавать надъ собою полную власть московскаго царя, такъ чтобъ онъ распоряжался дѣлами войска донского по своему усмотрѣнію.

Въ этомъ московскому правительству много помогала рознь, которая начала возникать въ то время среди казаковъ. Этою рознью правительство ловко пользовалось.

VI.

Продали казачью вольность свои же казаки-старшины.

Въ срединѣ XVI вѣка въ донскомъ войскѣ начали появляться такъ называемые «домовитые казаки». Это были по большей части зажиточные, богатые казаки. Они составляли отдѣльную партію въ казачьемъ кругѣ и всегда стояли за то, чтобы жить въ ладу съ московскимъ правительствомъ. Люди состоятельные, они стали заботиться больше о сохраненіи своихъ богатствъ, а не о сохраненіи казачьихъ вольностей. Они готовы были поступиться этими вольностями и подчиниться Москвѣ, лишь бы не подвергать опасности свои богатства. Изъ числа этихъ зажиточныхъ «домовитыхъ» казаковъ выдвинулись люди честолюбивые, которые стали стре-

миться къ почету, къ власти. Нѣкоторые изъ нихъ отличались умомъ, смѣлостью, распорядительностью и мало-по-малу подчинили себѣ остальныхъ, захвативъ власть въ свои руки при помощи приверженцевъ. Такъ образовался на Дону особый разрядъ «знатныхъ людей». Къ числу такихъ «знатныхъ» присоединялись старшины, которыхъ выбирали себѣ казаки. Вся эта знать тянула къ Москвѣ и вносила въ войско донское рознь. Этою рознью пользовалось московское правительство, стремясь подчинить себѣ казаковъ.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича московское правительство своими притѣсненіями довело казаковъ до озлобленія, и казаки отвѣтили на эти притѣсненія знаменитымъ разинскимъ бунтомъ. Разинъ и казаки ополчились противъ московскаго правительства, бояръ, дворянъ, подъячихъ и другихъ захребетниковъ. Они хотѣли вывести въ русской землѣ «измѣну» противъ народа и «доставить ему навсегда дни добрые и вольность». Московское правительство справилось съ возставшимъ народомъ и подавило его, а донской атаманъ Корнилій Яковлевъ и домовитые казаки выдали Московскому правительству самого Степана Тимофеевича Разина. При этомъ Корнилій Яковлевъ и домовитые казаки послали въ Москву прошеніе «какъ отъ себя, такъ и отъ всего войска Донского» «прощенія въ винахъ себѣ и бывшимъ участникамъ въ его бунтовствахъ просить». Алексѣй Михайловичъ воспользовался этимъ униженіемъ казаковъ и потребовалъ, чтобы они дали ему присягу на вѣр-

ность. Въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ наложить на казаковъ опалу. Казаки были уже не тѣ. Послѣ усмиренія разинскаго возстанія верхъ взяли «знатные» и «домовитые» казаки. Они испугались опалы и присягнули на вѣрность московскому государю, за ними присягнули и остальные, и, такимъ образомъ, признали надъ собою его господство, зачислили себя въ число «холоповъ царскихъ». Съ этого времени правительство стало требовать отъ донскихъ казаковъ присяги на вѣрность каждый разъ при восшествіи на престолъ новаго царя.

Въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII-го правительство стало ограничивать еще одну изъ важныхъ вольностей донского войска. До этого времени казаки несли только пограничную развѣдочную службу, добывали извѣстія о намѣреніяхъ турокъ и татаръ, выслѣживали ихъ партіи и доносили въ Москву, провожали московскихъ пословъ. Но въ походахъ вмѣстѣ съ московскимъ войскомъ они участвовали только по своей волѣ, по рѣшенію войскового круга и посылали въ походы людей «сколько можно». Теперь отъ нихъ стали требовать на войну людей—не спрашиваясь, согласенъ-ли войсковой кругъ принять участіе въ этой войнѣ или нѣтъ. Другими словами, отъ нихъ стали требовать воинской повинности, которой доселѣ казаки не несли.

VII.

Борьба казаковъ за волю.

Казаки не сразу отдали правительству всѣ свои вольности.

Среди нихъ были еще люди, которые не могли помириться съ усиливавшейся властью московскаго правительства надъ казаками и готовы были постоять за свою казачью самостоятельность. Когда правительство налагало явно свою руку на казачьи вольности, казаки поднимались подъ предводительствомъ какого-нибудь атамана и шли «тряхнуть Москвой». Не разъ поднимались казаки противъ московскаго правительства и отстаивали свои права. Только при Петрѣ Великомъ правительству удалось окончательно сломить ихъ.

Петръ Великій уничтожилъ одну важную вольность донскихъ казаковъ. Онъ потребовалъ въ 1703 году, чтобы казаки выдали всѣхъ бѣглыхъ, пришедшихъ къ нимъ на Донъ послѣ 1695 года. Казаки были сильно недовольны такими ограниченіями ихъ старыхъ правъ и вольностей. Когда въ 1707 году на Донъ явился съ войскомъ князь Юрій Долгорукій для поимки бѣглыхъ, казаки возмутились. Подъ предводительствомъ Кондратія Булавина они напали на Долгорукаго, разбили его войско и убили самого Долгорукого. Черкасскіе старшины и поставленный ими войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ послали было на Булавина отрядъ домовитыхъ казаковъ и донесли азовскому губернатору, прося помощи противъ бунтовщиковъ.

Тогда Булавинъ разослалъ отъ себя во всѣ станицы грамоту, въ которой писалъ: «Всѣмъ старшинамъ и казакамъ. За домъ Пресвятыя Богородицы, за истинную христіанскую вѣру, и за все великое войско донское, также сыну за отца, брату

за брата и другу за друга стать и умереть за одно! Зло на насъ умышляютъ, жгутъ и казнятъ напрасно, вводятъ въ еллинскую вѣру и отъ истинной отвращаютъ. А вы вѣдаете, какъ наши дѣды и отцы на семъ полѣ жили, и какъ оное тогда крѣпко держалось. Нынѣ же наши супостаты старое наше поле все перевели и ни во что вмѣнили. И такъ, чтобы намъ вовсе его не потерять, должно защищать единодушно. И въ томъ бы всѣ мнѣ дали твердое слово и клятву»! Къ Булавину присоединились сначала верховыя станицы, потомъ и низовыя и все казачество сплотилось за свое «старое поле». Атамана Максимова и старшинъ, тянувшихъ руку правительства, казнили, а войсковымъ атаманомъ избрали Булавина.

Но недолго продержались казаки. Петръ Великій послалъ на нихъ войско подъ начальствомъ князя Владиміра Долгорукаго, брата убитаго казаками Юрія. Еще важнѣе то, что въ средѣ самихъ донскихъ казаковъ пошли несогласія. Домовитые казаки, узнавъ о приближеніи войска, стали поговаривать, что надо сдаться и принести повинную. Булавинъ, видя расколъ среди казаковъ, застрѣлился, и послѣ этого многіе разбѣжались. Долгорукій безъ боя вошелъ въ Черкасскъ.

Жестоко были наказаны казаки. Казнивъ многихъ въ Черкасскѣ, Долгорукій съ войскомъ двинулся вверхъ по Дону и выжегъ и сравнялъ съ землею слѣдующія станицы: Есауловскую, Старогригорьевскую, Пристановскую, Шулгинку, Писаревскую, Сухаревскую, Краснянскую, Боровскую,

Сватову Лучку, Трехибенскую, Мостки, Муратовскую, Айдары, Ямы, Бахмутъ, «и прочія сверхъ того мѣста многія.» Жителей всѣхъ этихъ станицъ онъ казнилъ поголовно, «а въ прочихъ юртахъ, разсказываетъ историкъ Ригельманъ,— отъ девяти десятаго вѣшали и оныхъ всѣхъ на плотахъ висящихъ плыть по рѣкамъ пущали, чѣмъ преужасный страхъ всему Дону наведенъ»... Всего этого было еще мало. Петръ самъ пріѣхалъ въ 1709 году въ Черкасскѣ и «по изслѣдованіи, сыскавъ оставшихся еще отъ Булавина измѣнниковъ, приказалъ тотчасъ бывшему атаману Ильѣ Зерщикову и старшинѣ Соколову головы отсѣчь, а «Булавина тѣло пятерить и на поставленныхъ къ тому съ колесами столбахъ части положить, а головы на колы взоткнуть, что князь Петръ Голицынъ по Указу Царскому и исполнилъ въ самомъ городѣ на площади». Такъ подчиняли себѣ «подъ высокую государеву руку» казаковъ...

Съ этихъ поръ казаки не могли уже выпрямиться во весь ростъ. Донское казачество было сломлено навсегда. Славное прошлое минуло безвозвратно. Предстояло тяжелое будущее. Теперь отнять у казачества одну былую вольность за другую уже не стоило труда...

VIII.

Уничтожается старое самоуправленіе казаковъ.

Послѣ того, какъ булавинскій бунтъ былъ усмиренъ, казачество оказалось ослабленнымъ, почти сломленнымъ. Оно не могло уже оказывать рѣши-

тельное сопротивленіе. Этого только и ждало правительство. На головы казаковъ полными пригоршнями посыпались всяческія стѣсненія. Одна за другой отнимались у казачества былыя права и вольности. Петръ I началъ съ самоуправленія донскихъ казаковъ.

Мы уже говорили раньше, что казаки управлялись войсковымъ кругомъ. Кругъ, т.-е. собраніе всѣхъ казаковъ, рѣшалъ всѣ важныя дѣла войска, даже такія, какъ объявленіе войны и заключеніе мира. Всѣ казаки сообща обсуждали и рѣшали, слѣдуетъ-ли начать войну съ такими-то сосѣдями. И рѣшеніе круга было свято. Кромѣ того, войсковой кругъ ежегодно выбиралъ и учитывалъ войскового атамана. Это было также весьма важнымъ правомъ казаковъ, какого не было у остальныхъ русскихъ областей и губерній. Въ русскихъ областяхъ и потомъ въ губерніяхъ начальники областей—воеводы и губернаторы—назначались высшимъ правительствомъ изъ Петербурга, назначались изъ своихъ людей и зависѣли всецѣло отъ царя. Смѣнить ихъ можно было только по царскому указу. Какъ бы ни притѣснялъ народъ начальникъ области, какъ бы ни было велико недовольство имъ населенія, а начальникъ, если не было царскаго указа, оставался начальникомъ безсмѣнно. А мы уже видѣли въ первой главѣ, какихъ людей московское правительство ставило воеводами. Проживщійся князь получалъ область, чтобы «покормиться», поправить свои дѣлишки.

Не то было у казаковъ. Казаки сами себѣ выбирали войскового атамана. И выбирали тѣхъ,

кто достоинъ былъ править ими, выбирали лучшихъ промежъ себя, а не тѣхъ, кому нужно было нажиться на счетъ народа. Выбирали атамановъ каждый годъ и провѣряли всѣ ихъ дѣйствія. Каковъ бы ни былъ атаманъ- плохъ-ли, хорошъ-ли— все равно по прошествіи года службы онъ долженъ былъ явиться въ войсковой кругъ, сдать отчетъ и сложить съ себя атаманство. Хорошъ онъ былъ для казаковъ,—его опять выбирали на слѣдующій годъ: плохъ—выбирали другого. Да и сами атаманы знали, что они зависятъ отъ народа, что ни одна соринка, ни одно злоупотребленіе ихъ не скроется отъ учета, и потому должны были держать себя строго и заботиться о пользѣ казачества, объ его правахъ.

Понятно, такіе порядки были не по сердцу петербургскому правительству. Ему нужно было по своему орудовать на Дону; нужно было имѣть тамъ населеніе покорное, привыкшее подчиняться чужой волѣ.

Народъ, привыкшій, чтобы имъ распоряжались, не можетъ стойко защитить свои права отъ правительства, потому что онъ и не привыкъ считать, что у него есть какія-то права. Не то съ народомъ, который привыкъ управлять собою самъ, который твердо знаетъ свои права. Заставить такой народъ подчиняться невыгоднымъ для него порядкамъ и правительственной кабалѣ,—дѣло довольно мудреное. Вотъ у французовъ въ ихъ законахъ прямо говорится, что въ случаѣ, если правительство посягнетъ на народныя права, каждый гражданинъ имѣетъ

право съ оружіемъ въ рукахъ бороться противъ такого правительства. И французы не разъ показывали своему правительству, какъ опасно тронуть ихъ права. Они не разъ свергали неугодное имъ правительство и возводили новое по своему выбору. То же самое и съ казаками въ то время.

Казаки привыкли къ своимъ правамъ, привыкли распоряжаться своими дѣлами и ни отъ кого не зависѣть. Каждому изъ нихъ было понятно, что заставить ихъ что-нибудь дѣлать или вводить новый порядокъ можетъ только войсковой кругъ, т.-е. сами же они съ общаго согласія, и никто другой на это не имѣетъ права. И также понятно было каждому изъ нихъ, что онъ имѣетъ право дать отпоръ, если посторонняя власть, хотя бы то и русское правительство, начнетъ отъ нихъ требовать того, чего не имѣетъ права требовать безъ согласія войскового круга. Короче говоря, управляя сами всѣми своими дѣлами, казаки пріучались цѣнить и уважать свои права и отстаивать ихъ.

Петръ Великій зналъ это. Онъ зналъ и то, какъ опасно тронуть казачьи права безъ ихъ собственнаго согласія. Онъ попробовалъ было нарушить силою права казаковъ, когда приказалъ имъ выдать бѣглыхъ. Ничего хорошаго изъ этого не вышло; пришлось воевать съ казаками. И вотъ Петръ понемногу сталъ незамѣтно отнимать у казаковъ ихъ самостоятельность. На первый разъ онъ объявилъ, что самъ высочайшею властью будетъ утвер-

ждать выбраннаго казаками войскового атамана. Казаки, стало быть, попрежнему будутъ выбирать атамана, а царь будетъ его утверждать. И послѣ усмиренія булавинскаго бунта, Петръ утвердилъ войсковымъ атаманомъ избраннаго казаками Петра Емельяновича Рамазанова... но утвердилъ его не на одинъ годъ, какъ прежде избирались казаками атаманы, а пожизненно. Это уже было нарушеніемъ самыхъ важныхъ казачьихъ привилегій, самаго важнаго права войскового круга. Но казаки ничего не могли сдѣлать: они были обезсилены и запуганы жестокими казнями послѣ булавинскаго бунта. Напомнимъ еще разъ, что тогда нѣкоторыя станицы были вырѣзаны и выжжены, по указу правительства, а въ остальныхъ вѣшали десятаго... Поэтому казаки принуждены были смолчать и покориться.

Послѣ Прутскаго похода, когда военныя дѣла Петра были плохи, казаки попробовали было вновь вернуть себѣ свое старое право самимъ выбирать войскового атамана. Такъ, въ 1715 году они выбрали себѣ на мѣсто Рамазанова атаманомъ Максима Кумшацкаго; въ слѣдующемъ году снова выбрали войсковымъ атамановъ Максима Фролова, а въ 1717 году—Василія Фролова. Когда въ Петербургѣ узнали объ этомъ, то петербургскіе чиновники, безъ всякаго царскаго распоряженія, сами отдали приказъ, чтобы казаки не смѣли безъ утвержденія правительства ставить себѣ войсковыхъ атамановъ. А на мѣсто выбраннаго казаками Василія Фролова приказали поставить атаманомъ опять Рамазанова. Такимъ образомъ казаки

почувствовали, что ихъ вольность отошла и что петербургское правительство прочно наложило на нихъ свою тяжелую руку.

Но правительству мало было утверждать выбраннаго казаками атамана. Оно добивалось иного. Казаки, конечно, выбирали въ атаманы такихъ людей, которые были любы имъ, заботились объ ихъ нуждахъ и правахъ. А правительству это-то и не нравилось. Ему нужны были свои люди, которые радѣли бы не о казачьихъ интересахъ, а объ интересахъ правительства. И разъ оно уже начало сокращать право казаковъ ставить себѣ атамана, то скоро пришло къ тому, что перестало утверждать выбранныхъ казаками войсковыхъ атамановъ и начало само назначать ихъ. Въ 1723 году, послѣ смерти Василія Фролова казаки выбрали войсковымъ атаманомъ Ивана Матвѣева, а правительство не утвердило выборъ казаковъ и назначило своего человѣка, Андрея Лопатина. А въ 1738 году при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ правительство окончательно уничтожило выборы войсковыхъ атамановъ. Въ этомъ году на мѣсто выбраннаго раньше казаками и утвержденнаго правительствомъ атамана Ивана Фролова, по высочайшему повелѣнію былъ назначенъ войсковымъ атаманомъ Данила Ефремовъ. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ 1753 году такимъ же порядкомъ былъ назначенъ изъ Петербурга, за старостью Данилы Ефремова, сынъ его—Степанъ Даниловичъ Ефремовъ.

Тогда же вновь назначенный войсковой атаманъ и все войско донское были поставлены въ зависи-

мость не только отъ петербургскаго правительства, но и отъ Данилы Ефремова. Этотъ старикъ выслужился передъ Петербургомъ; на него тамъ смотрѣли, какъ на своего человѣка. Въ указѣ сенату Елизавета Петровна писала: «пожаловали ево, Данилу Ефремова, за многія ево вѣрныя службы чиномъ армейскаго генералъ-майора, подъ котораго командою, доколѣ онъ живъ, долженъ быть сынъ ево, войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ со всѣмъ войскомъ донскимъ и въ нужныхъ дѣлахъ... по его ордерамъ и наставленіямъ поступать». Такимъ распоряженіемъ правительство окончательно уничтожало право войскового круга выбирать атамана. Да еще и надъ назначеннымъ атаманомъ было поставлено новое начальство въ чинѣ генералъ-маіора. Генералъ-майоры назначились и послѣ смерти Данилы Ефремова.

Такъ постепенно, шагъ за шагомъ правительство отняло у казаковъ еще одну ихъ важную привилегію, важное право, безъ котораго имъ не отстоять было всѣхъ другихъ своихъ правъ. Войсковые атаманы въ войскѣ донскомъ стали назначаться изъ Петербурга. Отнынѣ они стали называться не просто войсковыми, а «войсковыми наказными атаманами», потому что ставились не по выбору казаковъ, а по наказу, по назначенію изъ Петербурга.

«Наказные атаманы» скоро сдѣлались такими же чиновниками, какъ назначенные правительствомъ чиновники въ другихъ мѣстахъ Россіи. Они во всемъ слушались правительства, исполняли его рас-

поряженія, хотя бы во вредъ казакамъ, урѣзывали и отнимали казачьи права и вольности. И если атаманы и были неугодны казакамъ, казаки съ ними ничего уже не могли подѣлать,—атаманы оставались на своихъ мѣстахъ. А если атаманы начинали заботиться о казачьихъ интересахъ, ихъ смѣщали, какъ было, напримѣръ со Степаномъ Даниловичемъ Ефремовымъ. Этотъ атаманъ радѣлъ о казачьихъ нуждахъ, совѣтовался въ дѣлахъ съ самими казаками и не исполнялъ нѣкоторыя тяжелыя для казаковъ распоряженія изъ Петербурга. Его вызвали въ Петербургъ для объясненія, онъ не поѣхалъ. Тогда по приказу императрицы Екатерины II онъ былъ арестованъ въ 1772 году въ Черкасскѣ, лишенъ чина и сосланъ въ ссылку въ городъ Перновъ.

Скоро правительство пошло еще дальше и стало назначать войсковыхъ наказныхъ атамановъ не изъ донскихъ казаковъ, а изъ иногороднихъ генераловъ. Расчетъ у него былъ простой въ этомъ случаѣ: въ казакѣ можетъ заговорить казачья кровь, въ немъ могутъ забродить старыя дрожжи. И начнетъ гнуть такой атаманъ, какъ Степанъ Даниловичъ Ефремовъ, въ сторону казаковъ... Возжайся потомъ съ нимъ и съ казаками! А иногородній генералъ—не казакъ куда надежнѣе. Онъ для казаковъ чужой и казаки для него чужіе. Такой атаманъ будетъ себѣ служить, получать жалованье да исполнять распоряженія изъ Петербурга. Такъ и вышло на дѣлѣ. Атаманы—не казаки, назначенные изъ Петербурга, приложили много уси-

лій къ тому, чтобы на Дону и не пахло старымъ казацкимъ вольнымъ духомъ. Стоитъ вспомнить лишь наказнаго атамана князя Святополкъ-Мирскаго: онъ въ своемъ стараніи закабалить казаковъ дошелъ до того, что закрылъ имѣвшіяся въ окружныхъ станицахъ гимназіи. «Дѣло казаковъ не учиться, а слушаться!..» Такъ разсуждалъ не-казакъ, генералъ изъ Петербурга...

IX.

Новые порядки, заведенные на Дону правительствомъ.

Правительство понимало, что новые порядки, навязанные казачеству изъ Петербурга, будутъ непрочны, пока среди самихъ казаковъ не будетъ такихъ людей, которымъ эти порядки были бы выгодны. Оно понимало также, что пока казаки будутъ единодушны, будутъ всѣ стоять другъ за друга, правительству трудно будетъ справляться съ ними и заставлять ихъ подчиняться своимъ распоряженіямъ. И вотъ правительство постаралось «прикормить» нѣкоторыхъ изъ казаковъ, привлечь ихъ на свою сторону разными выгодами и почестями и тѣмъ поселить между казаками рознь.

Какъ мы видѣли уже, такіе люди, которыхъ можно было купить почестями, выгодами, властью — среди казаковъ были. Это — «знатные люди», которые появились на Дону еще въ серединѣ XVII вѣка, лѣтъ за 50 – 60 до Петра Великаго.

«Знатные люди» вышли изъ тѣхъ-же простыхъ казаковъ. Казаки въ своемъ кругу избирали себѣ войсковыхъ, станичныхъ, походныхъ атамановъ и другихъ начальниковъ. Эти выборные мало-по-малу и образовали изъ себя «знатныхъ людей». Сначала знатными людьми были только войсковые атаманы. Отслужившихъ годовой срокъ войсковыхъ атамановъ кругъ жаловалъ за заслуги званіемъ «старшины». Такимъ-же званіемъ кругъ сталъ жаловать иногда и казаковъ, не бывшихъ атаманами, но особенно отличившихся въ походахъ своими подвигами. Въ старину званіе старшины не давало никакихъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Это было только почетное званіе. Старшина, какъ и всякій простой казакъ, долженъ былъ, наравнѣ со всѣми, участвовать въ походахъ, подчиняться распоряженію войскового и станичнаго круга и атамановъ; въ кругу онъ имѣлъ одинъ голосъ, равный со всѣми; старшину такъ же, какъ и всѣхъ казаковъ, судили въ кругу за проступки. Кругъ, дававшій старшинѣ почетное званіе, могъ за проступки лишить этого званія и сдѣлать старшину простымъ казакомъ.

Съ теченіемъ времени званіе «старшины» стали присваивать себѣ всѣ начальники казачьихъ полковъ и отрядовъ и всѣ вообще выборные на какія-нибудь должности. Дѣло повернулось такъ, что старшинами стали дѣлаться не за заслуги, а просто потому, что человѣка выбрали на какую-нибудь должность. Заслуги были еще впереди—либо будутъ, либо нѣтъ!—а старшиной выборный сталъ зваться,

какъ только его изберутъ. Такихъ «старшинъ» развелось на Дону очень много и они-то и образовали, вмѣстѣ съ богатыми «домовитыми» казаками особую партію. Эта партія тянула къ Москвѣ и, какъ мы видѣли, дѣлала многое въ угоду правительству и въ ущербъ казакамъ. Эти знатные люди и богатѣи выдали правительству Степана Тимофеевича Разина, Кирея Матвѣева, Булавина, они же впослѣдствіи помогали правительству заводить на Дону свои порядки и закабалять казаковъ.

Правительство тотчасъ же поспѣшило приголубить этихъ знатныхъ людей и отличить ихъ передъ простыми казаками. Оно спѣшило вбить клинъ въ казачество, расколоть его на двѣ части, чтобы помощью одной части прибрать къ рукамъ другую. Прежде всего правительство отняло у войскового круга право лишать званія старшины тѣхъ, кто былъ пожалованъ этимъ званіемъ. Раньше старшины, какъ никакъ, зависѣли отъ круга: кругъ могъ разжаловать ихъ изъ этого званія. Теперь кругъ потерялъ это право, а разжаловать могло только правительство. Въ 1754 году правительство отняло у войскового круга и право жаловать въ старшины: званіе старшины, какъ чинъ, стало даваться правительствомъ, съ утвержденія Государя. Но и этого мало. Чтобы рѣзче отдѣлить старшинъ отъ простыхъ казаковъ, правительство стало награждать старшинъ чинами. Такъ послѣдній изъ выборныхъ войсковыхъ атамановъ Иванъ Фроловъ былъ пожалованъ чиномъ армейскаго бригадира, Данила Ефремовъ—генералъ-майоромъ и по-

томъ тайнымъ совѣтникомъ; Иванъ Матвѣевичъ Краснощековъ — бригадиромъ. Сверхъ того, старались подкупить старшинъ еще разными привилегіями. При Екатеринѣ Великой войсковымъ старшинамъ было дано много привилегій; изъ нихъ главными были: освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія и право имѣть крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 1768 г. тѣмъ донскимъ старшинамъ, которые имѣли чины, было дано дворянство, а въ 1799 году дворянство дано было всѣмъ находившимся на службѣ донскимъ чиновникамъ и офицерамъ. А дворянство давало имъ важныя права и преимущества по сравненію съ простыми казаками. Дворянамъ стало уже невыгоднымъ возвращаться къ старымъ казачьимъ порядкамъ, старымъ казачьимъ вольностямъ и равенству.

Крайне важно было право дворянъ имѣть крѣпостныхъ, покупать ихъ и селить ихъ на захваченныхъ войсковыхъ земляхъ. Въ 1835 г. дворянамъ, имѣвшимъ крѣпостныхъ, были нарѣзаны въ собственность участки изъ войсковой земли. Далѣе, дворяне получили право занимать должности на государственной службѣ. Въ 1802 году высочайшимъ указомъ Донскому дворянству дано право назначать по своему выбору чиновниковъ въ присутственныя мѣста. То же право оставлено за дворянами въ 1835 г., когда войску Донскому дано было новое устройство. По положенію 35 года, дворянство имѣло право выбирать даже такихъ чиновниковъ, какъ старшій членъ войскового правленія, старшіе члены судовъ, депутаты, окружные

генералы;—а эти всѣ чиновники какъ разъ и получили распоряженіе тѣми дѣлами, которыя когда-то вѣдалъ старый войсковой кругъ. Такимъ образомъ, на мѣсто полноправнаго казачества стала кучка дворянъ: они одни стали пользоваться тѣми правами, которыя когда-то принадлежали всему войску.

Дворянство видѣло, что всѣ свои земли, права и преимущества оно получило отъ правительства. Понятно, что дворяне отвернулись совсѣмъ отъ казачества, стали поддерживать правительство, исполнять всѣ его распоряженія, клонившіяся къ ихъ собственной пользѣ, хотя и къ ущербу казаковъ. Чиновники и дворяне старались... При ихъ помощи правительствомъ были уничтожены всѣ былыя казачьи права и вольности,—уничтожены такъ, что и слѣдовъ ихъ не сыщешь теперь. Такъ, среди прочихъ былыхъ правъ казачества, погибло главное право всѣхъ казаковъ самимъ управлять своими общественными дѣлами,—право самоуправленія. Произошло это такъ.

Въ началѣ XVIII вѣка, когда войсковые атаманы стали назначаться уже не войсковымъ кругомъ, а правительствомъ,—для управленія войсковыми дѣлами въ Черкасскѣ была устроена «канцелярія войсковыхъ дѣлъ». Въ этой канцеляріи засѣдали и рѣшали дѣла войсковой атаманъ и войсковые старшины, занимавшіе выборныя должности. Въ канцелярію для рѣшенія дѣлъ, стало-быть, созывались станичные атаманы всѣхъ станицъ и старшины города Черкасска. Такимъ образомъ, вмѣсто стараго войскового круга, въ которомъ имѣлъ право уча-

ствовать каждый казакъ, получался какъ-бы новый кругъ изъ однихъ выборныхъ старшинъ и атамановъ. Этотъ новый кругъ — канцелярія сталъ рѣшать всѣ тѣ дѣла, которыя рѣшалъ раньше старый войсковой кругъ. Конечно, канцелярія не была такою самостоятельной, какъ былъ войсковой кругъ, потому что канцелярія подчинялась петербургскимъ чиновникамъ — «военной коллегіи», которые могли отмѣнить ея рѣшенія. Но съѣзжавшіеся для засѣданій въ канцеляріи старшины были все-таки выборными отъ казаковъ, большинство изъ нихъ были станичными атаманами, зависѣли отъ станичниковъ и обязаны были отчетомъ передъ станичниками. Это было неудобно правительству, которое желало заводить свои порядки, а также назначенному войсковому атаману, который теперь тянулъ на сторону правительства. Старшины, боясь отвѣтственности передъ станичниками, могли и не согласиться завести нужный правительству порядокъ. Поэтому войсковому атаману, — котораго правительство назначало, конечно, изъ своихъ преданныхъ слугъ, — необходимо было захватить въ свои руки побольше власти. А для этого ему необходимо было удалить изъ войсковой канцеляріи выборныхъ казачьихъ старшинъ и назначать туда старшинъ по своему усмотрѣнію. И войсковой атаманъ Данила Ефремовъ къ серединѣ XVIII вѣка завелъ именно такой порядокъ. Онъ сталъ приглашать въ канцелярію войсковыхъ дѣлъ только такихъ старшинъ, какихъ ему было надо, такихъ, которые во всемъ соглашались съ нимъ и ни въ чемъ не перечили.

При Екатеринѣ Великой и такой порядокъ показался неудобнымъ. Вѣдь могъ попасться войсковой атаманъ, вродѣ Степана Даниловича Ефремова, который бы сталъ тянуть руку казаковъ, и такой атаманъ подобралъ бы въ канцелярію войсковыхъ дѣлъ и старшинъ по-себѣ,—тоже радѣющихъ о казачьихъ нуждахъ. А правительству во что-бы то ни стало надо было имѣть такія канцеляріи, гдѣ-бы сидѣли враги казачества. И вотъ «канцелярія войсковыхъ дѣлъ» была передѣлана въ «войсковую канцелярію». Для завѣдыванія гражданскими дѣлами въ этой канцеляріи стали назначать старшинъ, изъ которыхъ двухъ назначало само правительство, а четверо назначались атаманомъ изъ старшинъ, служившихъ по выборамъ. Но въ 1800 году правительство пошло еще дальше. Оно опредѣлило для засѣданія въ канцеляріи, кромѣ старшинъ, особыхъ лицъ изъ своихъ чиновняковъ, которые совсѣмъ не были бы казаками. Эти лица должны были назначаться государемъ.

Когда на Дону развилось дворянство, правительство опять передѣлало порядокъ, по которому ставились чиновники. Въ 1835 г. оно, какъ мы видѣли, дало дворянамъ право выбирать многихъ чиновниковъ изъ среды дворянъ. Но главныя должности по управленію войскомъ донскимъ правительство замѣщало своими людьми, при этомъ такъ, что изъ трехъ главныхъ лицъ—наказнаго атамана, начальника штаба и начальника артиллеріи—двоихъ оно стало назначать не изъ донскихъ казаковъ, а изъ иногороднихъ генераловъ.

Въ концѣ-концовъ, правительство всѣхъ чиновниковъ на всѣ видныя должности въ войскѣ донскомъ стало назначать само въ Петербургѣ, въ главномъ управленіи казачьихъ войскъ и въ военномъ министерствѣ. Такъ было уничтожено постепенно былое самоуправленіе донскихъ казаковъ и замѣнено чиновничьимъ управленіемъ, безконтрольнымъ и безотчетнымъ.

Чиновники засѣли теперь во всѣхъ учрежденіяхъ и вершатъ всѣ дѣла. Безъ ихъ вѣдома казаки не могутъ ступить ни шагу. По положенію 1891 года казаки не могутъ безъ вѣдома чиновниковъ рѣшать даже свои станичныя дѣла. Выбраннаго ими станичнаго атамана долженъ сначала утвердить чиновникъ — окружной атаманъ; приговоры станичнаго сбора также утверждаются окружнымъ атаманомъ. А окружный атаманъ отъ казаковъ не зависитъ. Его ставитъ правительство и онъ тянетъ руку правительства. Что отсюда получается, это каждый казакъ знаетъ на дѣлѣ, по горькому опыту...

X.

Стѣсненія казаковъ въ пользованіи землей.

Но у казачьихъ станицъ было еще что-то, — была земля. Надо было и съ ней распорядиться изъ Петербурга, по-чиновничьи. Надо было и тутъ выдвинуть своихъ дворянъ, помочь имъ завладѣть казачьей землей. Мы теперь и разскажемъ, какъ расхищались казачьи земли, какъ насчетъ войска донского богатѣли донскіе дворяне при усердной поддержкѣ русскаго правительства.

Въ старину ни одинъ казакъ, ни даже вся станица не считались собственниками своей земли. Отдѣльные казачьи городки или станицы только пользовались земельными участками, которые были имъ нужны. Но пользованіе какимъ-нибудь участкомъ не давало права собственности на него. Ни одинъ городокъ или станица и тѣмъ болѣе ни одинъ казакъ не могъ сказать, что вотъ въ такомъ-то мѣстѣ мой участокъ или отъ такой-то до такой-то границы принадлежитъ станицѣ. Станицы, какъ и отдѣльные казаки, только пользовались землей и угодьями, принадлежала же земля и всѣ угодья всему войску Донскому, была общимъ достояніемъ всѣхъ казаковъ. Что это было такъ, показываетъ грамота, разосланная Булавинымъ по донскимъ городкамъ и станицамъ. Въ этой грамотѣ Булавинъ писалъ: «Нынѣ наши супостаты старое наше поле все перевели и ни во что вмѣнили. И такъ, чтобы намъ вовсе его не потерять, должно защищать единодушно». Булавинъ писалъ обо всей землѣ войска донского, называя ее «нашей», и ни одинъ городокъ не отвѣтилъ ему, что наша отъ такой-то рѣчки до такой, а дальше, молъ, есауловскихъ или раздорскихъ;—нѣтъ, всѣ казаки, всѣ городки поднялись на защиту «нашего стараго поля», считая его общею собственностью. Такъ какъ земля и всѣ угодья считались въ старину общими, то и занимать мѣста и селиться можно было, гдѣ угодно.

Приходившіе изъ московскаго государства «бѣглые» такъ и дѣлали. Они облюбовывали при какой-

нибудь рѣкѣ мѣсто, селились и образовывали новую казачью станицу, которая имѣла равное со всѣми остальными станицами право пользоваться землей и угодьями по всему войску донскому. Всѣ, какъ жившіе на Дону, такъ и вновь приходившіе на Донъ безъ различія имѣли право «по всему войску» производить покосы, ловить рыбу, охотиться на звѣря, добывать соль, рубить лѣсъ. Земля и всѣ угодья войска донского такимъ образомъ считались общенароднымъ достояніемъ.

Со времени Петра Великаго, по мѣрѣ увеличенія населенія, правительство черезъ войсковую канцелярію и назначенныхъ имъ атамановъ измѣнило старинный порядокъ вольнаго занятія земель. Правительство назначило для каждой станицы отдѣльный участокъ земли—юртъ—и разграничило юрты и пользованіе землей между отдѣльными станицами. Разграниченіе «юртовыхъ довольствій» поселяющіеся вновь казаки сначала должны были дѣлать сами, съ общаго согласія сосѣднихъ станицъ. На первыхъ порахъ станицы разграничивали только самыя удобныя мѣста: лѣса, луга, озера, и тѣ степи, которыя примыкали къ рѣкамъ. Отдаленныя же отъ станицъ земли находились въ общемъ довольствіи всѣхъ станицъ. Станицы составляли послѣ разграниченія юртовъ запись, въ которой обозначалось, какими угодьями какая станица будетъ пользоваться, и эту запись представляли въ главное войско. Войско выдавало станицамъ «разводныя грамоты». Въ 1706 году Петръ Великій запретилъ занимать незаселенныя «пустопорожнія» мѣста безъ разрѣшенія войскового

правительства, и съ этого времени порядокъ занятія новыхъ юртовъ подъ станицы снова измѣнился. Казаки, которые хотѣли завести новую станицу, должны были взять въ Черкасскѣ отъ войсковой канцеляріи «заимную грамоту». Въ этой грамотѣ писалось, что такимъ-то казакамъ дозволяется «занять безпрепятственно отъ сосѣднихъ станицъ въ пустѣ лежащія мѣста и собрать станицу». Когда по такому дозволенію основатели учреждали новое поселеніе, они обязаны были подавать въ «войсковую канцелярію» прошеніе, въ которомъ указывали «отъ себя и отъ сосѣднихъ станицъ разводчиковъ, на совѣсть коихъ полагалось безобидное разграниченіе поземельныхъ довольствій съ смежными станицами». Разграниченіе это записывалось и представлялось въ ту же канцелярію на утвержденіе. Послѣ этого канцелярія отъ имени всего войска Донского выдавала «уже и разводныя грамоты».

Когда все управленіе дѣлами перешло въ руки чиновниковъ, правительство еще болѣе стѣснило казаковъ въ пользованіи землею. Началось это съ 1835 года. Въ этомъ году была учреждена межевая комиссія, которая должна была «распредѣлить всѣ земли войска донского». Эта то комиссія произвела обмежеваніе станичныхъ юртовъ, при чемъ она нарѣзывала станицамъ землю по числу душъ мужского пола, полагая на каждую душу по 30 десятинъ удобной земли. Такъ распорядился въ Петербургѣ Государственый Совѣтъ. Когда юрты были обмежеваны, остальныя свободныя земли

поступили въ завѣдываніе областного правленія, которое и стало распоряжаться ими. Большую часть запасныхъ войсковыхъ земель областное правленіе стало отдавать въ аренду и деньги брать въ войсковой капиталъ. Часть земли—до милліона десятинъ — уступило для частнаго коннозаводства. Коннозаводчики готовятъ лошадей для арміи, т. е. служатъ правительству, а войску Донскому платятъ аренду по 3 копѣйки съ десятины въ годъ.

Такой порядокъ привелъ къ тому, что съ увеличеніемъ населенія въ станицахъ не стало хватать земли для надѣла паевымъ не только по 30 десятинъ, а даже и въ половинномъ размѣрѣ. Средній размѣръ пая въ области теперь всего 12 десятинъ, а въ 35 станицахъ даже меньше 8 десятинъ. Въ нѣкоторыхъ станицахъ на пай приходится 5—6 десятинъ всего! Конечно, снарядиться на службу на собственный счетъ при такомъ паѣ казакъ не можетъ. И вотъ многимъ уже изъ казаковъ приходится входить въ неплатные долги, продавать послѣднюю скотину, разоряться.

XI.

Расхищеніе казачьихъ земель.

Правительство, отнявъ у казаковъ право самимъ распоряжаться своими землями, стѣснило ихъ въ пользованіи землей. Но этого мало: оно еще помогло дворянамъ и чиновникамъ расхитить общія казачьи земли. Какъ только распоряженіе дѣлами перешло отъ круга къ войсковому атаману и стар-

шинамъ, засѣдавшимъ въ войсковой канцеляріи, такъ и начался на Дону захватъ земель во владѣніе частными лицами изъ казаковъ. Наиболѣе богатые, сильные и вліятельные казаки, преимущественно войсковые старшины, стали захватывать въ свое пользованіе большія пространства земли. Такъ какъ пользованіе землею было общее, и каждый казакъ могъ распахивать земли гдѣ угодно и сколько угодно въ станичномъ юртѣ, то старшины и богатые казаки опахивали, «загоняли» большіе участки земли. Разъ захваченные ими участки земли оставались въ ихъ пользованіи, пока они ихъ обрабатывали, и переходили въ пользованіе отъ отца къ сыну. Потомъ войсковые атаманы, когда они вмѣстѣ съ войсковой канцеляріей стали вершить всѣми дѣлами войска, стали сами распоряжаться незанятыми землями: они стали раздавать ихъ въ потомственное пользованіе (обыкновенно въ награду за службу) все своимъ же братьямъ, старшинамъ и чиновникамъ. Такимъ образомъ, сначала въ станичныхъ юртахъ, потомъ въ войсковыхъ незанятыхъ земляхъ появились большіе участки, которыми пользовались частныя лица и которые переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну.

Для обработки этихъ захваченныхъ у обществъ и у войска земель донскіе старшины и чиновники принимали бѣглыхъ крестьянъ, которые бѣжали на Донъ изъ сосѣднихъ губерній. Крестьяне, приставшіе къ такому хозяину, становились его батраками и работали на него нѣсколько дней (отъ двухъ до пяти) въ недѣлю, получая отъ него за свою рабо-

ту землю. Когда донскимъ чиновникамъ было дано дворянство, по которому они уже получали право владѣть крестьянами, какъ крѣпостными, дворяне стали пріобрѣтать крестьянъ въ собственность. Они покупали крестьянъ въ Россіи «на выводъ», т.-е. на переводъ ихъ на Донъ. Или же они женясь на русскихъ помѣщицахъ, получали крестьянъ въ приданое. Этихъ крестьянъ они тоже селили на захваченныхъ земляхъ. Въ 1796 году высочайшимъ указомъ были обращены въ крѣпостныхъ и тѣ крестьяне, которые раньше бѣжали на Донъ и работали, какъ вольные батраки, на участкахъ дворянъ. Они были закрѣплены за тѣми дворянами, на участкахъ которыхъ находились въ этомъ году. Такимъ образомъ на захваченныхъ дворянами войсковыхъ и станичныхъ земляхъ, часто около самыхъ станицъ, появились участки, заселенные крѣпостными крестьянами. Крестьяне принадлежали помѣщику-дворянину, а земля, на которой онъ ихъ селилъ, принадлежала войску или была въ пользованіи станицы. Такъ на чужой землѣ заводили свои хозяйства донскіе дворяне. Понятно, какъ сильно разыгрывалась ихъ жадность и какіе огромные участки они могли захватывать при даровыхъ крѣпостныхъ рабочихъ!

Такой захватъ донскими дворянами войсковой и станичной юртовой земли продолжался до 1835 года. Въ этомъ году была учреждена правительствомъ межевая комиссія, какъ оно увѣряло — «для распредѣленія всѣхъ удобныхъ земель, сообразно истиннымъ надобностямъ всего войскового общества и

каждаго изъ его членовъ въ отдѣльности». Коммиссія должна была: размежевать станичные юрты, а тѣмъ дворянамъ, которые на юртовой землѣ захватили участки и заселили ихъ крестьянами, отвести участки изъ свободныхъ войсковыхъ земель, гдѣ выберутъ помѣщики. Участки давались дворянамъ по числу ихъ крестьянъ (на душу по 15—20 десятинъ). По положенію 35 года дворяне получали въ обмѣнъ на захваченныя общественныя юртовыя земли, которыя у нихъ можно было все-таки отнять, потомственные участки въ полную собственность. Прежде они свои захваченные участки не могли продавать или дарить—это были общественныя и войсковыя земли, и они ими пользовались только по праву захвата. Теперь же имъ нарѣзывалась земля (по 15—20 десятинъ на каждую крѣпостную душу) и они могли дѣлать съ нею что угодно, продавать, закладывать, дарить, мѣнять. Неправда-ли, подарокъ хорошій и обмѣнъ выгодный?

Но донскіе дворяне, получивъ «здорово-живешь» такой лакомый кусокъ, все-таки не были довольны. Историкъ Карасевъ разсказываетъ, что постановленіе о нарѣзкѣ земли «какъ громомъ поразило юртовыхъ помѣстныхъ владѣльцевъ, которымъ нужно было: во-первыхъ—безпокоиться(!) отысканіемъ для себя другихъ мѣстъ для поселенія, тратиться на перенесеніе хозяйства; во-вторыхъ (самое тяжелое) разстаться съ неограниченными и богатыми юртовыми землями, на выборъ которыхъ у ихъ сильныхъ предковъ рука не дрогнула. Не менѣе ужаснымъ Положеніе 35 года показалось и тѣмъ помѣ-

щикамъ, которые имѣли владѣнія на свободныхъ земляхъ и, слѣдовательно, не подлежали переселенію: имъ назначено было опредѣленное количество десятинъ на душу (крѣпостныхъ крестьянъ) и тѣмъ самымъ изъ-подъ ихъ распоряженія ускользнули огромныя пространства земель, владѣемыя ими на правѣ перваго завладѣнія». Такъ говоритъ ученый историкъ. Короче говоря, дворяне были недовольны тѣмъ, что ихъ немного посократили насчетъ грабежа казачьей земли, хотя у нихъ и не думали отнять награбленное.

Недовольны были донскіе дворяне еще вотъ чѣмъ: продать свои потомственные участки, которые они получали, можно было только дворянину изъ казачьяго званія, и войско имѣло право отобрать у нихъ участокъ, если на немъ будетъ найденъ каменный уголь. Хотя, по положенію 35 года, за отобранный участокъ войско должно было отвести дворянину новый участокъ такого же размѣра, но дворяне все-таки считали это нарушеніемъ ихъ «священнаго права собственности». Въ 1868 году и эти ограниченія съ дворянскихъ земель были сняты, и они съ этого времени могли распоряжаться своей землей, какъ частной собственностью, т.-е. продавать, кому вздумается, найденный уголь считать своею собственностью и т. п. Такими-то путями создались на Дону потомственные земельные участки донскихъ дворянъ, на которые было отрѣзано изъ войсковой земли не малая толика: болѣе 1 милліона 600 тысячъ десятинъ земли!

Но это еще не всѣ земли, которыя отрѣзаны отъ войсковой земли въ частную собственность.

Много земли отошло донскимъ чиновникамъ и офицерамъ въ видѣ награды за службу. Еще со времени атамана графа Платова многіе заслуженные войсковые чины выпрашивали или вымогали себѣ у станичниковъ срочные участки, которые давались имъ во владѣніе до смерти. Но потомъ эти чины безъ спроса станичниковъ обращали эти «срочные» участки въ постоянное безсрочное владѣніе и передавали ихъ своимъ дѣтямъ или родственникамъ. Потомъ и правительство стало давать пожизненные и срочные участки всѣмъ безземельнымъ и мелкопомѣстнымъ офицерамъ и чиновникамъ съ семействами. Это считалось дополненіемъ къ жалованью: жалованье, дескать, въ казачьихъ войскахъ не велико и пенсіи нѣтъ, а земли довольно. Такая раздача производилась съ 1845 года по 1871 годъ. Въ 1871 году, по случаю трехсотлѣтняго юбилея Войска Донского, по высочайшему указу всѣ эти срочные участки были отрѣзаны отъ общей войсковой земли и отведены чиновникамъ въ вѣчную потомственную собственность. На эти «срочные участки» ушло изъ войсковой земли свыше 1 милліона 280 тысячъ десятинъ. А всего съ дворянскими землями отрѣзано безъ малаго три милліона десятинъ!..

Такъ донское казачество потеряло свой былой земельный просторъ. Среди казаковъ появилась земельная тѣснота, малоземелье. Земли-то безпредѣльныя остались, да только не у казаковъ. По ихъ казачьимъ усамъ текло, да въ ротъ не попало: нѣтъ, попало въ ротъ—да только не казаковъ, а господъ дворянъ

чиновниковъ. Одни своей грудью защищали донскія степи, поливали ихъ своимъ потомъ и кровью. Другіе пришли и сдѣлались господами жизни: не сѣютъ, а жнутъ... Въ прежнее время были у казаковъ права и вольности—была у нихъ и земля. Отняли у нихъ права,—легко стало и землю отнять. Такъ всегда бываетъ: кто имѣетъ власть, кто распоряжается дѣлами, тотъ и землю пріобрѣтаетъ— не мытьемъ, такъ катаньемъ. Такъ и будетъ всегда: кто хочетъ получить землю и обезпечить ее за собою,—тотъ долженъ добиваться власти, добиваться политическихъ правъ. Кто борется за волю, тотъ борется и за землю...

XII.

Новое безправіе, новыя повинности.

За казацкой волей (войсковой кругъ, выборы атамановъ), за казачьей землей полетѣли кувыркомъ и другія права и привилегіи казаковъ.

Мы говорили уже, что въ старину казаки пользовались всѣми угодьями на Дону. Каждый казакъ безплатно, безпошлинно бралъ соль изъ соляныхъ озеръ, ловилъ рыбу, охотился по всей области, могъ курить вино и торговать безпошлинно по всему Дону. Эти привилегіи казаки установили сами для себя изстари. Но когда правительство отняло у казаковъ всѣ ихъ вольности, то оно стало «жаловать» имъ эти привилегіи «за вѣрную службу». Такъ, въ указѣ 1734 года сказано, чтобы съ казаковъ, которые купятъ хлѣбъ въ сосѣднихъ

губерніяхъ. «таможенныхъ пошлинъ, привальнаго и отвальнаго, по прежнимъ ихъ обыкновеніямъ, за многія службы не брать». «А съ рыбы, которую они ловятъ въ Дону, и съ той рыбы сдѣланной икры, и меду, и воску, и прочаго, что они готовятъ въ домѣхъ своихъ сами, безъ покупки, пошлинъ съ нихъ не брать же». Въ 1738 году высочайшей грамотой рыбныя ловли утверждены за казаками. Между тѣмъ казаки этими рыбными ловлями пользовались до этого около двухсотъ лѣтъ, а съ 1637 года за сто лѣтъ до грамоты, когда они покорили Азовъ, они были единственными обладателями всѣхъ рыбныхъ ловель въ устьяхъ Дона. Выходило такъ, что «моимъ добромъ да мнѣ же челомъ»: за «многія службы» правительство награждало казаковъ тѣмъ, чѣмъ они давно пользовались и владѣли безъ всякой службы правительству...

Съ теченіемъ времени доходами отъ этихъ привилегій стали пользоваться станицы. Такихъ пошлинъ въ годъ станицы собирали въ 1765 году до 20 тысячъ рублей. Какъ прибрать эти доходы къ своимъ рукамъ?—думало правительство. И выдумало «войсковой капиталъ». Оно обязало казаковъ воинской повинностью и заставило ихъ выставлять полки на службу не только во время войны, какъ раньше, а и въ мирное время. Чтобы снаряжать эти полки, собирать ихъ, отправлять на мѣсто службы, имѣть офицеровъ, штабъ,—нужны были деньги. Правительство и учредило для этого **войсковой капиталъ**. Въ первое время въ этотъ капиталъ вошли слѣдующія суммы: 1) жалованье,

которое платило правительство ежегодно, и которое раньше дѣлилось между казаками. (Съ 1710 года годовой окладъ жалованья на все войско былъ 17,142 рубля и 7 тысячъ четвертей хлѣба, 250 пудовъ пороху и 150 пудовъ свинцу). 2) Подушныя съ крестьянъ, которые селились въ войскѣ донскомъ въ станицахъ и около крѣпости св. Димитрія, гдѣ теперь Ростовъ и 3) половина годовыхъ доходовъ каждой станицы. «Всѣ оныя деньги,—предположено было,—содержать для тѣхъ учреждаемыхъ полковъ на жалованье при Войскѣ Донскомъ». Вышло такъ, что казаки должны были служить правительству на военной службѣ и еще сами же себѣ платить жалованье. Такимъ образомъ и царское жалованье, которое раньше получали всѣ казаки, и половина станичныхъ доходовъ теперь стала идти не въ пользу казаковъ, а въ пользу того же правительства, для котораго нужны были казачьи полки.

Съ теченіемъ времени отъ станицъ была отобрана большая часть ихъ доходовъ, которые они получали отъ своихъ привилегій,—за торговлю, за куреніе вина и т. д. Безпошлиннымъ винокуреніемъ и торговлей виномъ станицы пользовались до 1843 года. Въ 1843 году торговля виномъ въ донской области была отдана на откупъ и весь доходъ отъ откупа сталъ поступать въ войсковой капиталъ. А станицамъ за отнятое у нихъ право винокуренія и торговли изъ войскового капитала ежегодно стали платить по 50 копѣекъ въ годъ на каждую душу мужского пола. Въ 1863 году откупъ

былъ уничтоженъ и введенъ акцизъ. Весь доходъ отъ продажи вина сталъ поступать уже въ государственную казну. За убытки войсковому капиталу изъ казны стали платить по 1 милліону 239 тысячъ рублей каждый годъ. Войсковой капиталъ платилъ отъ себя станицамъ, какъ и при откупѣ, по 50 копѣекъ на мужскую душу. Но съ 1870 года станицы перестали получать эти деньги за свою бывшую привилегію и въ станичные капиталы не поступало уже ни копѣйки.

Постепенно были отобраны у станицъ и другіе доходы отъ привилегій, отъ права безпошлинной торговли, отъ манычской соли, войсковыхъ лѣсовъ, и другихъ угодій. Доходы съ нихъ идутъ теперь главнымъ образомъ въ казну и въ войсковой капиталъ. А мы уже видѣли, что войсковой капиталъ былъ учрежденъ съ тою цѣлью, чтобы содержать и снаряжать въ исправности на службѣ казачьи полки т.-е. для пользы правительства, а не казаковъ. И теперь главная часть расходовъ изъ войскового капитала идетъ туда же: на содержаніе чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ, служащихъ государству, а не мѣстному населенію, на содержаніе строевыхъ частей, на пенсіи, на содержаніе въ исправности оружія, на постройку и ремонтъ казармъ, конюшенъ, артиллерійскихъ складовъ, на военное образованіе, на сторублевое пособіе выходящимъ въ полки казакамъ для покупки лошадей и т. д.—все на нужды государства и правительства, а не на мѣстныя казачьи. Изъ войсковыхъ денегъ на мѣстныя нужды, на школы, больницы, дороги, мосты и т. п. тра-

тится приблизительно милліонъ, а на государственныя и правительственныя нужды около двухъ милліоновъ. Распоряжаются войсковымъ капиталомъ не сами казаки, а правительственные чиновники: наказный атаманъ, совѣтники областного правленія въ Новочеркасскѣ и члены военнаго министерства въ Петербургѣ.

Когда при Александрѣ II на Дону было введено земство, выборные отъ населенія земцы потребовали было, чтобы имъ было передано распоряженіе войсковымъ капиталомъ. Правительство разсудило иначе: оно уничтожило земство и оставило распоряженіе всѣми дѣлами области въ рукахъ чиновниковъ. При этомъ правительство сослалось на то, что казаки будто бы не хотятъ имѣть у себя земства, не хотятъ сами черезъ своихъ выборныхъ завѣдывать своими хозяйственными дѣлами. Казакамъ чиновники говорили, что земство хочетъ ихъ заставить платить подати, которыхъ они, молъ, никогда не платили.

Но, можетъ быть, правительство, отнявъ у казаковъ ихъ права и привилегіи, взамѣнъ этого стало заботиться о нихъ, избавило ихъ отъ всякихъ повинностей? Всякій, кто видалъ казачью жизнь, знаетъ какія тяжелыя повинности лежатъ на казакахъ. Во первыхъ, они всѣ обязаны воинской повинностью, которую несутъ впродолженіе 20 лѣтъ. На службу они снаряжаются на свой счетъ, и это снаряженіе обходится каждому казаку отъ 250 до 300 рублей. Кромѣ того, дома казаки отбываютъ ученья, смотры «сидѣнки» (дежурства) въ правленіи, караулы и разныя «натуральныя отбывки», которыя если пе-

реложить ихъ на деньги, составляютъ крупную сумму. Хоперскія станицы—Павловская, Усть-Бузулуцкая, Правоторовская, Урюпинская,—представляли въ хоперскій «комитетъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности» расчетъ повинностей казаковъ (въ переводѣ этихъ повинностей на деньги). И получались такіе расчеты: Павловская станица исчисляла повинности казака неспособнаго къ службѣ

			по 42 р. 29 к.	въ г.
»	»	строевого разряда	78 р. 38 к.	»
Усть-Бузулуцкая		неспособн. къ служ.	34 р. 30 к.	»
»	»	строевого разряда	49 р. 77 к.	»
Правоторовская		строевого разряда	80 р. 20 к.	»
Зотовская	. .	неспособн. къ служ.	71 р. 36 к.	»
»	»	строевого »	67 р. 29 к.	»
Урюпинская	»	строевого »	92 р. 27 к.	»

Таковы повинности, лежащія на казакахъ, по подсчету самихъ казаковъ. Правительство ловко обошло казаковъ. Оно не только отняло у нихъ всѣ ихъ старыя права и вольности, не только закабалило ихъ на службу себѣ, но и повернуло еще дѣло такъ, что, на первый взглядъ, казакамъ только и остается, что молить Бога за благодѣянія правительства. Изволите видѣть, казаки не несутъ податей!? Но развѣ всѣ эти повинности, которыя исчислили сборы хоперскихъ станицъ, не подати? Развѣ они не идутъ главнымъ образомъ въ пользу государства, а не въ пользу самихъ казаковъ? Выходитъ, что казачество обложено тяжелыми, прямо разорительными податями...

XIII.

Что же дѣлать казакамъ?

Мы шагъ за шагомъ разсказали печальную повѣсть, краткую исторію былыхъ казачьихъ правъ и привилегій войска донского. Мы показали, чѣмъ были казаки и чѣмъ стали, благодаря «милостивымъ заботамъ» нашего правительства. Все славное прошлое казачества дѣйствительно было да сплыло... Теперь казаковъ давитъ тяжелое настоящее. *)

Сначала (при Иванѣ Грозномъ) съ казаками былъ заключенъ союзъ; затѣмъ ихъ пригласили на службу; потомъ постепенно, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, прижимали казаковъ, отнимали у нихъ одну вольность за другою. Притворствомъ, обманомъ, подкупомъ, насиліемъ успѣли подчинить казаковъ. А когда казаки пробовали отстоять свои права и напомнить, что они согласились лишь быть въ союзѣ противъ общихъ враговъ—турокъ и татаръ, а не шли въ подчиненіе и въ подданство русскимъ царямъ,—съ ними расправлялись, какъ съ холопами. Не въ равномъ бою одолѣло казаковъ правительство: изподтишка, хитростью и насиліемъ оно ихъ прибрало къ своимъ рукамъ, обобрало ихъ и по части земли, и по части вольностей. Сты-

*) О томъ, какъ въ настоящее время живутъ и что думаютъ казаки—мы издадимъ особую книжку.

диться не привыкло самодержавное правительство. Оно разсуждаетъ видимо, такъ: «стыдъ—не дымъ, глаза не выѣстъ. Пусть казаки страдаютъ отъ порядковъ, заведенныхъ самодержавнымъ правительствомъ; пусть они разоряются на двадцатилѣтней службѣ; пусть ихъ сыны и близкіе развращаются на усмиреніяхъ и привыкаютъ по-разбойничьи обращаться съ народомъ. Пусть отъ славнаго казачества былыхъ временъ осталось только жалкое воспоминаніе...

Нѣкоторые казаки разсуждаютъ такъ: «Правда, нуждъ у насъ много. Служба разорила и разоряетъ насъ. Голодать уже начали... Но правительство-молъ позаботится о казакахъ, какъ о своихъ вѣрныхъ слугахъ. Нужно только хорошенько попросить»... Разумѣется, надѣяться нельзя запретить никому. Но надежды бываютъ всякія... Вдумайтесь въ то, что разсказано въ этой книжкѣ. Вся исторія донского войска говоритъ о томъ, что надѣяться на правительство нечего... Не о казачьихъ интересахъ, какъ и не объ интересахъ всего народа, заботится наше самодержавное правительство, а лишь о своемъ собственномъ благополучіи, о благополучіи кучки лицъ—придворныхъ, дворянъ и чиновниковъ. Имъ-то закабаленъ весь русскій народъ; имъ-же закабалено и казачество. Такъ неужели же они вдругъ станутъ возвращать казакамъ ихъ былыя права и землю? Тогда зачѣмъ же было все это отнимать у нихъ? Нѣтъ, зря такія надежды питать.

А обѣщанія? Казаки уже не разъ слышали торжественныя обѣщанія и видѣли, что изъ этихъ обѣ-

щаній вышло. Вотъ было дано такое обѣщаніе послѣ войны 1812 года. На эту войну донскіе казаки выставили до 60 тысячъ человѣкъ. Шли въ полки всѣ поголовно, начиная отъ подростковъ и кончая стариками, которые могли еще держаться въ сѣдлѣ. И вотъ, въ 1817 году дана донскому войску грамота. Въ ней говорилось: ... «утверждаемъ всѣ права и преимущества въ Бозѣ почивающими великими предками нашими ему дарованныя, утверждая императорскимъ словомъ нашимъ ненарушимость настоящаго образа его служенія, толикою славою покрытаго, неприкосновенность всей окружности его владѣній со всѣми выгодами и угодьями».

Теперь вспомните все, что мы выше разсказали. Что на самомъ дѣлѣ утверждалось грамотой 1817 года? Утверждались не права и преимущества,— утверждалось полное отнятіе правъ и преимуществъ казачества! Вспомните, какъ у казаковъ отобрали право выбирать себѣ войсковыхъ атамановъ; какъ отняли право рѣшать свои дѣла въ войсковомъ кругу; какъ отняли у войскового круга право жаловать званіемъ старшины; какъ поставили надъ казаками чиновниковъ; какъ уничтожили у казаковъ равенство, давъ старшинамъ дворянство; какъ дворянамъ роздали казачьи земли... «Неприкосновенность всей окружности его (донскаго войска) владѣній со всѣми выгодами и угодьями», которую грамота «утверждала въ 1817 году», была нарушена лѣтъ черезъ 20, когда въ 1835 году донскіе дворяне были надѣлены участками изъ общей войсковой

земли. Такимъ образомъ изъ всѣхъ обѣщаній, данныхъ грамотой 1817 года, выполнено только одно: «ненарушимость» образа служенія донскихъ казаковъ. Да, казаки до сихъ поръ почти поголовно тянутъ лямку каторжной службы воинской...

Такое же торжественное обѣщаніе дано донскимъ казакамъ и недавно — въ грамотѣ 24 января 1906 года, которую въ февралѣ привозилъ на Донъ флигель-адъютантъ князь Голицынъ. И въ этой грамотѣ почти въ тѣхъ же словахъ подтверждаются тѣ же несуществующія «права и преимущества». Тутъ опять утверждается «неприкосновенность всѣхъ угодій и владѣній», отъ которыхъ уцѣлѣло ужъ очень немного...

Теперь полагаться на такія обѣщанія станетъ развѣ малый ребенокъ-несмышленышъ. Или же будетъ уговаривать вѣрить этимъ обѣщаніямъ человѣкъ съ прожженой совѣстью, съ продажной душой — вродѣ нѣкоторыхъ донскихъ атамановъ и другихъ чиновниковъ; понятно, — имъ выгодно сохраненіе стараго самодержавнаго строя, и вотъ они стараются одурачить темный народъ. А казакамъ, разоренным и закабаленнымъ военной службой, полагаться на такія обѣщанія не приходится. Не приходится разсчитывать на то, что правительство добровольно поступится своими выгодами въ пользу казаковъ и улучшитъ ихъ положеніе. Не съ тѣмъ закабаляло оно казаковъ, не съ тѣмъ отнимало у нихъ права, чтобы потомъ обратно отдавать ихъ... Да и не съ одними только казаками такъ расправилось дворянско-чиновничье правительство. Весь рус-

скій народъ стономъ стонетъ отъ разоренія и безправія. Что нужно, чего добивается все русское крестьянство, весь рабочій классъ? Да того же, что отнято правительствомъ у казачества. Народъ хочетъ жить по собственному разумѣнію, хочетъ распоряжаться своей жизнью черезъ выборныхъ своихъ людей, — вродѣ того какъ прежде жило донское казачество. Народъ добивается возвращенія ему той земли, которая полита потомъ и кровью народа и расхищена у него дворянами-помѣщиками, — опять, вродѣ того, какъ расхищены дворянами и казачьи земли.

Одна бѣда у казаковъ и у всего народа — грабежъ и произволъ самодержавнаго правительства. Одинъ путь у нихъ, чтобы избавиться отъ этой бѣды — путь борьбы за землю и волю для всего народа. Казаки — часть всего народа. Получитъ весь народъ права и землю, — будутъ они и у казачества. Будетъ народъ затянутъ въ петлю обирательства и угнетенія, — не видать казакамъ своихъ былыхъ вольностей, какъ своихъ ушей. Руками казаковъ правительство задушитъ весь народъ, а потомъ... потомъ оно еще пуще прежняго ограбитъ и казачество.

Казачество давно уже не видало свѣтлыхъ дней своего славнаго прошлаго. Оно ихъ можетъ скоро вернуть. Для этого есть только одно средство: присоединиться къ борьбѣ народа за его свѣтлое будущее...
